

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Р У С С К И Й Д Е Т Е К Т И В

а л е к с а н д р

ГОРСКИЙ

ОХОТА НА
ЛУНИНА

Современный русский детектив

Александр Горский

Охота на Лунина

«Центрполиграф»

2020

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Охота на Лунина / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2020 — (Современный русский детектив)

ISBN 978-5-227-09395-0

В своем загородном доме убит высокопоставленный чиновник. Преступником может быть кто угодно из самых близких и родных, приглашенных на семейное торжество. Дело поручено следователю Илье Лунину. Не самое простое задание, зато в случае успеха поощрение от руководства Илье обеспечено. Спустя всего несколько дней в городе совершено еще одно жестокое убийство. Жертва – молодая женщина. Коллеги Ильи начинают охоту на преступника, вот только кровавые следы, как ни странно, ведут к самому Лунину...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09395-0

© Горский А. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	13
Глава 3,	25
Глава 4,	34
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Горский

Охота на Лунина

© А.В. Горский, 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

* * *

Глава 1, в которой один мужчина попадает на тот свет, а другой в неприятности

Мужчина еще раз взглянул в глаза умирающему, затем настороженно обернулся и замер, прислушиваясь.

Его собака тоже застыла на месте, едва заметно подергивая хвостом от волнения. Не заметив ничего подозрительного, мужчина вновь повернулся к сидящему в кресле человеку.

– Вот и поговорили. – Человек в кресле попытался улыбнуться, но сил у него хватило лишь на то, чтобы уголки губ на мгновение дернулись вверх и тут же вновь опустились. – Достань... из кармана.

Короткое движение подбородка дало понять, что речь идет о нагрудном кармане. Наклонившись, мужчина потянул в сторону лацкан кардигана. Нож задел лишь самый край накладного кармана голубой рубашки поло, но постепенно расходящееся в стороны от лезвия темное пятно не давало уже возможности извлечь что-либо, не испачкав при этом руки в крови.

Перчатки! Тонкие латексные перчатки, вот что сейчас ему бы точно пригодилось. Но кто же знал, что все получится именно так. Мужчина вздохнул и достал из кармана умирающего сложенный вчетверо лист бумаги. Бумага уже почти полностью пропиталась кровью, отчего ее края слиплись между собой и никак не хотели разделяться. Собака, до этого достаточно спокойно наблюдавшая за всем происходящим, неожиданно насторожилась и, повернув голову к дому, оглушительно залаяла.

– Что там? – обернулся к ней мужчина.

Взглянув на своего хозяина, собака наклонила голову набок, после чего вновь повернулась к дому и угрожающе зарычала. В этот момент человек в кресле, к чьей неподвижности уже привыкли и мужчина, и его четвероногая напарница, нашел в себе силы для последнего в своей жизни движения правой руки. Вернее будет сказать, это были два движения. Первым он вскинул руку к груди, к тому самому месту, где из нее торчала рукоятка ножа, а вторым выдернул нож из раны. Алая, насыщенная кислородом кровь с силой выплеснулась наружу, обрызгав при этом отвлекшегося на собаку мужчину. От неожиданности он отскочил в сторону, задев стол, с которого тут же посыпались опрокинутые шахматные фигуры. Когда мужчина вновь взглянул на человека в кресле, то понял, что вместе с потоком крови наружу выплеснулась и едва теплившаяся в умирающем жизнь.

– Вот и поговорили, – пробормотал мужчина, разворачивая измазанный кровью лист бумаги.

Собака вновь зарычала. Мужчина хотел было обернуться, но резкие, наполненные страхом и злобой выкрики заставили его замереть на месте.

– Лежать! Лежать, я сказал! Мордой вниз!

– Замри! Не двигайся! Руки, покажи руки!

– Не дергай руками, тварь! На пол, я сказал!

Помедлив долю секунды, мужчина пришел к выводу, что не стоит пытаться обернуться к этим подающим столь противоречивые команды людям. Очень медленно, стараясь сделать так, чтобы ни у кого из них не появилась возможность превратно истолковать его действия, он развел руки в стороны, а затем поднял их чуть выше головы. Оскалив зубы, собака издала негромкий угрожающий рык.

– Рокси, сидеть, – скомандовал мужчина, после чего сам медленно опустился на колени.

* * *

Как и положено руководителю, знающему, что для решения текущих вопросов существуют подчиненные, начальник следственного управления по Среднегорской области генерал-майор Хованский дремал. Возможно, самому Хованскому данное утверждение показалось бы чрезмерным и оскорбительным, возможно, даже чрезмерно оскорбительным, а оскорблять представителей государственной власти, как известно, негоже, да и к тому же уголовно наказуемо. Посему представляется разумным несколько скорректировать изначальное утверждение и сформулировать его иначе. Дмитрий Романович, а именно так звали многоуважаемого генерала, пребывал в блаженном состоянии послеобеденной дремы. Он сидел с задумчивым выражением лица, уставившись в широкоформатный монитор своего компьютера. На мониторе застыло мгновение чужой, далекой от него жизни – бурное, бьющееся о скалистый берег море, пенные всплески, взметающиеся прямо в серое холодное небо, и одинокая птица, парящая в левом верхнем углу экрана и равнодушно взирающая на все это противостояние мокрого и холодного. Веки генерала были полуприкрыты, левая рука подпирала соответствующую ей щеку, а правая покоилась на коврике для компьютерной мыши, при этом указательный палец иногда постукивал по столу, то ли выбивая странную, абсолютно лишённую ритма мелодию, то ли подергиваясь из-за неконтролируемых мышечных сокращений.

Дверь кабинета негромко скрипнула. Светочка, секретарша Хованского, уже несколько раз предлагала смазать дверные петли, но Дмитрий Романович всякий раз отвечал категорическим отказом. Небольшой скрип солидности у кабинета не отнимет, а вот предупредить о появлении забывшего постучать посетителя сможет всегда. Вот и сейчас дверь еще не успела распахнуться и на треть, как веки хозяина кабинета устремились вверх, брови сурово сомкнулись, а нижняя челюсть выдвинулась на пару сантиметров вперед, придавая все вместе начальственному лицу еще более начальственное и озабоченное решением неотложных проблем выражение.

Вторгшаяся в кабинет Светочка проигнорировала возмущенно-вопросительный взгляд шефа и, выставив перед собой трубку городского телефона, стремительно пересекла пространство, отделяющее письменный стол Хованского от двери.

– У нас в Засольске массовое помешательство. – Она положила трубку на стол прямо перед Хованским. – Они Лунина собрались арестовывать. Говорят, за убийство.

– Светик, – Дмитрий Романович облегченно откинулся на спинку кресла и взглянул на секретаршу с покровительственной улыбкой, – когда ты так врываешься, я всякий раз думаю, что что-то случилось.

– То есть у вас лучшего сотрудника арестовывают, а вы полагаете, этого мало? – Светочка схватила со стола телефон и сунула его Хованскому в руку. – Вы послушайте, что они там несут.

– Во-первых, – улыбка на лице Хованского сделалась менее дружелюбной, – Лунин не может быть в Засольске, я его туда не посылал, во-вторых, следователей так просто не арестовывают, во всяком случае, без моего согласия.

– А в-третьих – поднесите телефон к уху, и узнаете много интересного и про «во-первых», и про «во-вторых», – бесцеремонно перебила шефа секретарша.

Дмитрий Романович обреченно вздохнул. Он знал, что спорить со Светочкой, особенно когда она настроена столь решительно, не имеет никакого смысла.

– Хованский. Я с кем говорю? – рявкнул он в трубку. – Лебедев? Ну давай, Лебедев, повествуй, что у вас там за горе.

После каждой произнесенной невидимым Лебедевым фразы лицо генерал-майора приобретало все более угрюмое выражение, пока окончательно не пришло в состояние готовности

к метанию грома, молний и поднимающих бодрость духа у подчиненных непечатных выражений.

– Лебедев, ты идиот? – Очевидно, ответ уже был заложен в самом вопросе, так как, не дав возможности собеседнику высказаться, Хованский продолжил: – Ты сам себя сейчас слышал? Дай трубку Лунину. Почему он не может взять? Ах, пристегнут! Так отстегни!

В разговоре образовалась небольшая, очевидно технического характера, пауза.

– Сейчас разберемся.

Дмитрий Романович многозначительно подмигнул Светочке, давая понять, что ему, как опытному руководителю, по силам разругать любую, даже столь необычную на первый взгляд ситуацию.

– Илюша, – оживился Хованский, услышав наконец в трубке голос подчиненного, – вот скажи мне, только честно, ты идиот?

Дмитрий Романович, отдавший службе в органах следствия без малого четыре десятка лет, точнее, успешно обменявший эти годы на генеральское звание, просторный кабинет и ряд других преимуществ, автоматически прилагавшихся к его должности, любил своих подчиненных, к которым относил не только сотрудников непосредственно областного следственного комитета, но и всех подчиненных ему районных управлений. Любил их он, как детей – в основном неумелых, порой ленивых и большей частью совершенно бестолковых. Как всякий любящий отец, он полагал, что на недостатки его домочадцев если кто и имеет право указывать, то исключительно он сам. Правом этим Дмитрий Романович пользовался достаточно широко и себя в выражении отцовских чувств никогда не сдерживал. При этом, по мнению самого Хованского, в общении с подчиненными он никогда не выходил за рамки приличий, а часто употребляемое им «идиот» было данью юношескому, почти забытому увлечению Достоевским. Что думали обо всем этом сами подчиненные, было никому не известно, ибо сотрудники следственного управления были в целом люди неглупые и о подобных вещах предпочитали вслух не рассуждать, откладывая такую возможность до момента выхода генерала на пенсию.

– Ты мне скажи, как ты вообще в Засольске оказался? – Хованский нетерпеливо оборвал забубнившую было трубку. – Я тебе такое дело доверил, можно сказать, выдающееся, а ты шляешься где ни попадя. Илюша! Мало того что ты Светусю разочаровать успел, – Хованский вновь подмигнул внезапно покрасневшей секретарше, – так ты теперь и меня разочаровываешь. С огнем играешь, Лунин!

– Так ведь серия же, – неуверенно пробормотал Лунин, чувствуя, что любой вариант ответа придется руководителю не по нраву.

– Серия! – яростно зашипел в ответ Хованский. – Ты давай там меньше языком трепи, не хватает, чтобы вся область про эту серию заговорила. Может, еще и серии нет никакой вовсе. Чего тебя в Засольск понесло? Ты уже оттуда одного вез – не довел. Теперь что, решил на месте от людей избавляться? Я, кстати, не понял, чего там этот малахольный мелет. Кого ты зарезал?

– Короленко, – Илья тяжело вздохнул и взглянул на нетерпеливо ерзающего на стуле Лебедева, – Ивана Андреевича.

– Мать моя женщина, – оторопело пробормотал Хованский. – Это что, тот, который писатель? Тот самый?

– Тот самый. – Второй вздох, вырвавшийся из груди Лунина, был еще более жалобным и протяжным.

– И что там, вот прям насмерть, шить ничего нельзя? – быстро совладал с эмоциями генерал.

– Я сам тело обнаружил, – на этот раз ответ Лунина вздохом не сопровождался, – точнее, он у меня на руках умер.

– Ясно, – заключил Хованский, – ты обнаружил покойничка, а тебя обнаружили местные коллеги. Я правильно понял?

– Так точно! – приободренно рявкнул в ответ Илья.

– Да что ж ты орешь мне на ухо, – поморщился Дмитрий Романович. – Дай трубку этому идиоту, Лебедеву. Где он там, далеко?

– Так он рядом, по громкой связи вас слушает, – жизнерадостно сообщил Лунин.

– О как, – на мгновение смутился генерал-майор, – ты, Лебедев, у нас в области человек новый, так что привыкай, вписывайся, так сказать, в систему. Ежели я тебе вдруг что обидное сказал, обижаться не стоит, так как это, во-первых, не со зла, а во-вторых, все равно смысла нет на руководство обижаться, только нервные клетки себе попортишь и карьеру заодно. Все понял? Теперь ближе к делу. Даю вам полчаса на нежное прощание и оформление всех бумаг, если какие подписать надо. Чтобы через полчаса Лунин стартовал в сторону меня. Не надо мне возражать, Лебедев, у тебя еще возражалка не разработана, чтобы со мной спорить. Теперь ты, Лунин. Ты меня слышишь?

– Так точно, – молодежато, но уже не столь оглушительно, как в прошлый раз, отозвался Илья.

– Это хорошо, – удовлетворенно кивнул Хованский, – после того как тебя из Засольска депортируют, у тебя будет четыре часа ровно, чтобы добраться до моего кабинета. Сколько у нас, два двадцать? Значит, к семи я тебя здесь жду. И только попробуй опоздать, я тебя сам в федеральный розыск объявлю. Уяснил?

– Уяснил, – безрадостно отозвался Лунин, очевидно решивший, что очередное громогласное «так точно» в данном случае будет неуместно.

– А ты, Лебедев, копии всех документов, какие есть по этому делу, в течение часа мне вышлешь, я посмотрю, что к чему. Все, мужчины, я с вами прощаюсь, – подытожил Дмитрий Романович и, нажав кнопку отключения, вернул телефон Светочке. – Знаешь, меня твой бывший не устает удивлять. Все люди как люди, а этот непременно во что-нибудь вляпается. То родню найдет бестолковую, то еще какие неприятности. Вы, кстати, как, вновь сходитесь еще не надумали?

Светочка печально вздохнула, давая понять, что, к сожалению, в процессе схождения необходимо участие обоих фигурантов, после чего, плавно покачивая бедрами, молча направилась к выходу из кабинета. Проводив ее пристальным взглядом и дождавшись, когда дверь за секретаршей захлопнется, Хованский причмокнул губами.

– Эх, Илюша, такая женщина тебя любит, а ты ушами шлепаешь. Я бы и сам... – взглянув на стоящую на столе семейную фотографию, с которой за ним пристально наблюдала супруга и двое уже взрослых детей, Дмитрий Романович оборвал фразу на полуслове.

Лунин потер запястье на левой руке, на котором кольцо наручников было затянато особенно сильно, и взглянул на сидящего напротив него Лебедева.

– Ну что, Степан Юрьевич, я поеду?

Не говоря ни слова, Лебедев угрюмо кивнул в ответ.

– Мне бы тогда документы вернуть, – попросил Лунин.

Лебедев вновь кивнул и протянул руку к телефону.

– Да, еще у меня телефон забрали и кошелек тоже, – напомнил Илья.

– Вернем, – отозвался наконец Лебедев.

– И Рокси.

– Что – Рокси? – непонимающе переспросил майор. – Кто это?

– Собака моя, болонка, – объяснил Лунин, – ее опера в отдел увезли еще до вашего приезда.

– Болонку? – Лебедев удивленно взглянул на Илью. – Болонка-то им зачем?

– Кто же их знает. – Лунин неуверенно пожал плечами. – Может, допрашивают?

Двадцать минут спустя Лунин стоял на крыльце свежевыкрашенного желто-коричневой краской трехэтажного здания следственного комитета. На самом деле следователи занимали

только один, второй этаж старого особняка, построенного лет шестьдесят назад по проекту одного из питерских, или, как в те годы говорили, ленинградских, архитекторов и представлявшего собой уменьшенную и несколько упрощенную копию Смольного института благородных девиц. Весь нижний этаж здания занимало районное управление внутренних дел, а с высоты третьего за всеми происходящими у них под ногами событиями наблюдали сотрудники прокуратуры. В силу компактности расположения в одном здании, а также в силу компактности и удаленности от областного центра самого Засольска все три ведомства жили достаточно мирно, не отказываясь подставить дружеское плечо соседу в случае возникновения подобной необходимости. Илья подумал, что было бы логично, если бы в подвале здания размещался местный следственный изолятор. Оставалось неясным, куда в таком случае стоило бы пристроить районный суд. Задрав голову, Лунин устремил взгляд на закрывающую ему солнце обитую листовым железом крышу здания. Вот если в ней оборудовать мансарду...

– Вот ваши ключики от машины, – прервал архитектурно-планировочные потуги Лунина веселый мальчишеский голос.

Илья обернулся. Рядом с ним стоял совсем молодой человек в форме старшего лейтенанта полиции. Молодой человек улыбался широкой, добродушной улыбкой, которой могут улыбаться только молодые люди, еще верящие в свою способность сделать мир лучше, а заодно и в способность окружающего их мира измениться в лучшую сторону.

– Все ваши вещи я сложил на заднем сиденье, – отдав Лунину ключи, молодой человек сбежал вниз по ступеням, очевидно намереваясь проводить Илью до машины, – а собачка на переднем, она сама так захотела. Вы не беспокойтесь, собачке не напечет, я с ее стороны окно приспустил немного.

– Спасибо, – буркнул Лунин, которого улыбка молодого человека раздражала с каждой секундой все больше. Самым досадным было понимание того, что лейтенант ни в чем не виноват и, может быть, своей улыбкой пытается загладить все неудобства, которые были доставлены заезжему следователю за последние несколько часов. Почему-то от этого раздражение Лунина усиливалось.

Лунин, щелкнув брелоком сигнализации, остановился у водительской двери.

– Скажите, старлей, чему вы так улыбаетесь? Есть какой-то особенный повод?

Молодой человек на мгновение замешкался, улыбка на его лице дрогнула, но затем уголки губ расплзлись еще дальше друг от друга.

– А вы обернитесь, – устремил он взгляд куда-то за плечо Лунина.

Почувствовав подвох, Илья отступил на полшага от лейтенанта и медленно повернул голову. Некоторое время он разглядывал пустынную улицу, растущие вдоль нее на противоположной стороне редкие клены, старое кованое ограждение, местами покосившееся и проржавевшее, за которым высились уже начавшие терять летнюю зелень тополя.

– И что в этом пейзаже вас радует?

– Осень же, – лейтенант изумленно посмотрел на Лунина, недоумевая, как такой, с виду не глупый, человек может не понимать столь очевидных вещей, – золотая осень! Красиво!

– Зима скоро, – хмуро отозвался Илья и, не попрощавшись с лейтенантом, забрался в машину.

Захлопнув дверь, он подумал, что поступил неправильно. В любом случае пройдет какое-то время, старший лейтенант станет капитаном, потом майором, улыбка на его красивом мужественном лице будет появляться все реже и реже, а потом, в один не очень прекрасный день, исчезнет окончательно. Вот только сейчас он, Лунин, внес свой маленький вклад в то, чтобы этот день наступил немного раньше.

Дремавшая на переднем сиденье Рокси громко зевнула, а затем бросилась на колени к хозяину, норовя добраться до его лица и лизнуть если уж не в нос, то хотя бы в подбородок. Кое-как успокоив болонку и возвратив ее на пассажирское сиденье, Илья завел двигатель и

взглянул на часы. Два сорок пять. У него есть четыре часа пятнадцать минут на то, чтобы преодолеть триста с лишним километров и добраться до Среднегорска. А ведь потом еще надо будет тащиться по вечерним городским пробкам. Что же, значит, ехать надо будет быстро, максимально быстро.

Выезжая со стоянки, Илья бросил взгляд на крыльцо, на котором застыла худошавая фигура старшего лейтенанта. Огонек зажигалки на секунду осветил скрытое в тени лицо. Сейчас молодой человек не улыбался. Глубоко затянувшись, он выпустил серую длинную струю дыма в небо и закрыл глаза, наслаждаясь выдавшейся в разгар рабочего дня минутой одиночества и покоя. Лунину вдруг захотелось опустить стекло и крикнуть лейтенанту, что он прав, что осень, золотая осень – это действительно красиво, но побоялся, что это будет выглядеть глупо. Вместо этого Илья оторвал от руля правую руку и помахал застывшему на крыльце старлею. Но этого прощального, дружеского взмаха руки молодой человек не заметил. Он так и стоял, закрыв глаза, размышляя о том, что день выдался на редкость удачный и что, к сожалению, подобные удачные дни бывают не так часто.

Полюбовавшись семейным портретом, Хованский снял трубку с телефона внутренней связи и набрал короткий трехзначный номер.

– Зайди ко мне, – мрачно бросил он в трубку, – и доклад свой захвати, обсудим.

Десять минут спустя ставший еще более угрюмым Дмитрий Романович задумчиво перебирал лежавшие перед ним на столе листы бумаги.

– То есть ты полагаешь, – он взглянул на закончившего доклад полковника Изотова, одного из наиболее опытных сотрудников следственного управления, с которым был знаком уже более двадцати лет, – что нынешние убийства женщин – это серия и что эта серия копирует те убийства, которые были у нас в прошлом году?

– Именно, – кивнул Изотов.

– Ты понимаешь, что у нас тогда было задержание, по которому мы отчитались перед Москвой? – Хованский испытующе посмотрел на бесстрастное лицо полковника.

– Понимаю, – кивнул Изотов, – я даже понимаю, что ты, Дима (оставаясь вдвоем, он мог позволить себе обращаться к начальнику на «ты»), генеральские звезды именно за это дело получил.

– Ты уж не будь слишком понятливым, – нахмурился хозяин кабинета, – все хорошо в меру.

– А ведь, если не ошибаюсь, Лунин тогда подавал тебе докладную, в которой высказывал свои сомнения по поводу задержания.

– Проболтался, значит, – вздохнул Хованский, – я ведь говорил ему, чтобы языком не трепал.

– Да это не он, – сдержанно усмехнулся полковник, – это Светка. Она ж как раз в то время Лунина пирожками подкармливала. А под пирожки, сам понимаешь, любые секреты выведать можно.

– Ну, раз Светка, значит, все управление в курсе, – окончательно расстроился Дмитрий Романович.

– Все уже обо всем забыли, – попытался успокоить товарища Изотов, – к тому же совсем не факт, что убийства совершает тот же самый человек, что и год назад.

– Конечно, не факт, – постарался придать своему голосу убедительности Хованский. – Факт как раз в обратном. Тот человек был задержан, а затем погиб в результате несчастного случая. Так что, дорогой мой Виктор Борисович, Витенька! Найди мне того, кто это делает, но так, чтобы это непременно был другой человек. Ты понимаешь меня? Другой!

– Не кричи, Светка услышит, – пробурчал Изотов. – У меня есть одна рабочая версия, вот только, Дима, боюсь, она тебе не очень понравится.

– Излагай. – Хованский размашисто рубанул ладонью воздух. – Лучше плохая версия, чем совсем никакой.

– Тогда слушай. – Изотов уперся локтями в стол, а в голосе зазвучала уверенность человека, знающего цену своим словам. – Я имею основания полагать, что нынешние преступления совершает человек, хорошо осведомленный о ходе предыдущего расследования.

– Осведомленный – это как? – Левая бровь генерала нервно дернулась. – У нас, слава богу, не Европы, следователи журналистам интервью не дают, да и оперативники тоже. А тогда мы вообще старались к этому делу внимания не привлекать.

– Дима, – укоризненно вздохнул полковник, – я же сказал, не просто осведомленный, я сказал, хорошо осведомленный. А таких людей очень мало, и все они входили в следственную группу, занимавшуюся раскрытием тех самых убийств.

– Ты что, – на этот раз вместе с бровью вверх подскочил весь генерал, – думаешь, это кто-то из своих? Витя, у нас, конечно, всякого отребья полно, но чтоб такое...

– Вспомни Ангарск, – уверенно возразил Изотов, – там Попков тоже участие в поисках принимал.

– Надеюсь, у нас не так все плохо. – Хованский трижды постучал по полированной столешнице. – Хотя, знаешь, тут история такая странная приключилась. Этот Лунин, он ведь тоже три плюс два сложить может. Вот он сложил и понял то же, что и ты. Я имею в виду серию, копирующую предыдущие убийства. А те убийства, если ты помнишь, один в один повторяли сюжеты из книг нашей местной знаменитости.

– Короленко, – кивнул полковник, – читал, мне даже понравилось.

– Что тебе понравилось? – изумленно уставился на Изотова генерал. – Как людям головы отрезают? Я тогда чуть не полысел, пока то дело не закрыли.

– Головы – это, конечно, плохо, – хладнокровно отозвался Изотов, – а книги у него интересные.

– Ах, книги, – облегченно махнул рукой Хованский, – ну да, у меня жена тоже хвалит. Ты же в курсе, год назад Лунин ездил к Короленко в Засольск, вроде как на консультации. Уж не знаю, о чем он там консультировался, но душегуба потом повязал, причем лично. И вот что интересно: вчера наш дорогой Илья Олегович, не сказав никому ни слова, снова рванул в Засольск.

Внимательно слушающий Хованского Изотов удивленно прищурился и приоткрыл было рот, чтобы что-то сказать, но так в итоге и промолчал.

– А сегодня утром, – голос генерала подрагивал от возбуждения, – Лунина задержали во дворе дома Короленко. Сам Короленко при этом был убит ударом ножа, а его охраннику чуть раньше перерезали горло. Я велел Лунина отпустить, он ближе к вечеру приехать должен, но, сам понимаешь, ситуация неприятная.

– Дмитрий Романович, – судя по тому, что Изотов перешел на официальную манеру общения, начальник следственного управления понял, что сейчас услышит нечто особенно неприятное, – я составил список лиц, имевших полный доступ к материалам прошлого расследования и чью причастность к совершению новых преступлений предлагается проверить. Так вот, майор Лунин идет в этом списке под номером один.

– Подполковник, – вяло поправил подчиненного Хованский, – он ведь у нас теперь подполковник.

Глава 2, в которой Лунин понимает, что август ему нравился больше, чем наступивший сентябрь

Дорога, ведущая из Засольска в сторону областного центра, была относительно свободна, и ничто не мешало Лунину, сидя за рулем, предаваться размышлениям, большей частью весьма безрадостным.

Некоторое время Илья размышлял о странности и непредсказуемости окружающего его мира. Вернее, не так. Он думал о странной и непредсказуемой враждебности окружающего его мира. Взять хотя бы этот год. Как ни крути, а все настолько странно и непредсказуемо, что и представить нельзя было. Хотя, конечно, представляли. Пытались представить. Илья вспомнил, как слышал по телевизору один из таких прогнозов. Комментатор, подтянутый, молодежавый мужчина, уверенно рассуждал о том, что при удачном стечении обстоятельств российская сборная сможет оказаться в тройке сильнейших в медальном зачете на предстоящей Олимпиаде, а в худшем случае, если в Токио не поедут легкоатлеты, замкнет десятку. Странное, однако, бывает у людей представление о худшем случае. Как оказалось, в Токио не поехали не только отстраненные легкоатлеты. В Токио вообще никто не поехал. Токио... Вот интересно, сколько от Среднегорска до Токио? Пять тысяч километров, семь? Это сколько же дней ехать, если на поезде? Хотя, нет, прямо в Токио на поезде все равно не уехать, только до Владивостока, а там надо пересаживаться на корабль или самолет, чем там у них до Японии добираться. Хотя сейчас, должно быть, ничем.

Да уж, в этом мире все слишком непредсказуемо. Лунин печально вздохнул, да бог с ним, с этим миром. Мир-то как-нибудь выкрутится, думается, он и не такое видал. А вот он, Илья Лунин, неожиданности, особенно неожиданности неприятные, переносит крайне болезненно. Можно сказать, на дух не переносит. А ведь, похоже, сентябрь только начинает удивлять. Как там поется? Худшее, конечно, впереди? Эх, а как хорошо все складывалось в августе!

Если сравнивать себя (а Илья Лунин втайне от всех любил предаваться поэтическим сравнениям) с парусником, бороздящим просторы океана жизни, то фактически весь август паруса этого, пусть и не самого шикарного, но и отнюдь не худшего в мире, суденышка были наполнены попутным ветром. Конечно, ветер был не так уж силен, и рекордов скорости яхта, именуемая «Илья Олегович Лунин», поставить не могла, но зато легкий попутный бриз не создавал волн, качки и прочих неприятностей, традиционно сопутствующих значительным отклонениям от умеренных величин.

Все изменилось с приходом сентября, прямо первого числа. Ветер, наполняющий паруса скоростью и уверенностью в том, что за линию горизонта удастся заглянуть если не сегодня, то в обозримом будущем, куда-то исчез, на смену ему пришли холодные, стремительно меняющие направление порывы воздушных течений, которые так и силились сорвать и без того уже поблекшие от времени паруса с мачт, швырнуть их на палубу, а еще лучше и вовсе за борт. А теперь, ко всем прочим неприятностям, яхту занесло на рифы, которые хоть и скрыты под пенными шапками волн, но в любой момент могут надвое расколоть не приспособленное к подобным испытаниям суденышко.

А как хорошо было в августе! Мало того что еще было лето, а лето – это, несомненно, более приятное время года, чем осень, так ведь случались и другие, порой весьма неожиданные, приятности. В один из дней, еще в самом начале месяца, Илья, узнав о том, что Хованский уехал в неизвестном направлении и обещал до конца рабочего дня не появляться, спустился в холл первого этажа, намереваясь, как и большинство его коллег, также покинуть рабочее место немного раньше, чем это предусмотрено трудовым распорядком. Лунину оставалось сделать

всего несколько шагов до массивной деревянной двери, отделявшей его от привычной ежевечерней программы, заключающейся в прогулке с Рокси, ужине, разогретом под еле слышное бормотание телевизора, охлажденной бутылки «миллера» и очередного детектива, который так приятно читать, устроившись на диване в гостиной. Там же в гостиной Лунин частенько и засыпал, не имея ни сил, ни желания тащиться в спальню, которая после развода с Юленькой и разрыва отношений со Светочкой все больше превращалась в склад ненужных вещей. Ненужных вещей, правда, было немного – огромная двуспальная кровать, которая, несмотря на внушительные габариты самого Лунина, была слишком велика для него одного, и такой же огромный гардероб с зеркальными дверцами, в котором по замыслу создателей данного набора мебели должна была храниться одежда всех обитателей спальни. Фактически, гардеробом пользовалась всегда только Юленька, все вещи Лунина располагались в гостиной, в узком пенале мебельной стенки, что самого Илью вполне устраивало, так как слишком часто менять наряды он не любил, а посему одежды у него было не так уж и много.

Пиво было закуплено на всю неделю вперед еще в выходные, а детективов, которых Лунин с избытком накачал в имевшуюся у него электронную книгу, должно было хватить как минимум до ноября, поэтому первым чувством Ильи, внезапно услышавшего свое имя, было разочарование. Неизвестно кто неизвестно зачем пытался помешать ему как можно быстрее оказаться на диване с книгой в одной руке и бокалом пива в другой. Разочарование это длилось долю секунды, причем долю столь малую, что этого времени Илье не хватило даже для того, чтобы повернуть голову. Следующей эмоцией, продлившейся уже чуть дольше, стало удивление.

– Вы? – Лунин несколько раз моргнул, убеждаясь в том, что зрение его не обманывает, а затем почувствовал, что теряет контроль над мышцами лица. Во всяком случае, он был убежден, что улыбка, появившаяся между двумя его округлыми, стремительно розовеющими щеками, возникла там сама по себе, без всякого его, лунинского, участия.

– Я.

Илья увидел ответную сдержанную улыбку и только тогда смог признать себе, что вслед за промелькнувшими и умчавшимися куда-то в неизвестность разочарованием и удивлением пришла радость и, судя по всему, никуда уходить она больше не собирается.

– Какими судьбами, командировка?

Лунин неловко переступил с ноги на ногу. Куда девать неожиданно вспотевшие ладони, он не знал вовсе, поэтому быстро спрятал их за спину, избавиться так просто от глупой улыбки не получилось, и, чтобы придать лицу более серьезное выражение, Илья старательно нахмурил брови. Очевидно, результат получился не совсем таким, на который он рассчитывал, поскольку Ирина на мгновение удивленно замерла, пристально разглядывая Лунина, а затем громко расхохоталась.

– Вы так смешно выглядите сегодня! Что у вас с лицом? – Не дав Илье возможность ответить, она тут же продолжила: – А я и не в командировке вовсе, мы теперь с вами... Как же это по-русски сказать правильно? Одногородцы, что ли? Странно, односельчане есть слово, а про город что-то ничего не ум не приходит. В общем, я теперь тоже в Среднегорске обитаю. Да что ж с лицом-то у вас такое? Не пойму никак, вы мне рады или нет.

– Я рад, я очень рад. – Побагровев от напряжения, Лунин наконец сумел согнать с лица улыбку. – А вы?

– Ну конечно же! – Тонкие пальцы едва заметно коснулись его локтя. – Всегда приятно увидеть знакомое лицо.

– Мне казалось... – Слова перескакивали в голове с места на место, и Лунину никак не удавалось сложить из них подходящую фразу. – Мне показалось, что наша последняя встреча... что во время нашей последней встречи вы были не очень настроены продолжать наше общение.

Радость, светящаяся в глазах Ирины, начала медленно угасать, ресницы ее опустились, а когда они вновь взмыли вверх, глаза ее смотрели на Лунина с грустью и, как показалось Илье, разочарованием.

– Вы же понимаете... – она запнулась, – вы должны понимать, когда Коли не стало, признать, что во всем случившемся виноват только он сам, было для меня очень трудно. Почти невозможно. Родной брат – это ведь не просто близкий человек, он такой же, как ты.

Вы думаете одинаково, радуетесь одному и тому же. Сознание отказывается понимать, что он мог сделать что-то такое, чего ты сам сделать никогда бы не смог. Ты думаешь, нет, этого не может быть. Он невиновен! Причина всему кто-то другой, кто-то извне виноват в том, что все закончилось именно так.

– И этот «извне» был именно я, – пробормотал Илья.

Ирина кивнула:

– Порой, чтобы понять какие-то вещи, нужно время. – Илье показалось, что в глубине ее глаз вновь засветились едва заметные теплые лучики. – Два месяца – это, конечно, не самый большой срок, но мне хватило. Так что я рада вас видеть, господин Лунин. – Она улыбнулась. – Или «не Лунин»? Как вам больше нравится?

– Теперь уже точно Лунин, особенно в этих стенах. – Илья вспомнил, как пытался убедить Шестакову не препятствовать его участию в расследовании дела, в котором оказался замешан ее собственный брат¹. – Так вы, значит, теперь здесь? Вместе работать будем?

– Не совсем. – Ирина покачала головой и насмешливо взглянула на Лунина. – Мы теперь с вами идеологические противники, будем биться не на жизнь, а на смерть.

– Вы что же, в прокуратуру перешли? – непонимающе переспросил Илья.

– Мимо! В адвокатуру. Еще не совсем перешла, но в процессе.

– Глобальные перемены. – Илья покачал головой, не зная, как ему правильно реагировать на услышанные новости. – И работу сменили, и город. Неужели нельзя было попробовать остаться?

– Можно, – быстро кивнула Шестакова, – все можно. И работу можно было не менять, и город. Я сама так решила. Может же человек хоть изредка принимать те решения, которых никто от него не ожидает.

– Ну, если изредка. – Услышав знакомый начальственный голос, Илья обернулся. В управление, прижимая к уху мобильный телефон, входил Хованский. – Похоже, моя попытка сбежать пораньше обречена на провал.

– Вам повезло в сравнении с теми, кто уже успел убежать, – в тон ему отозвалась Ирина. – Звоните как-нибудь. У вас же остался мой номер?

– Да. – Илья вспомнил, что, вернувшись из Одинска, удалил телефон Шестаковой только из избранных. – Я позвоню, обязательно позвоню.

– Лунин! – Окинув цепким взглядом вестибюль, Дмитрий Романович без труда приметил массивную фигуру следователя. – А что это ты с портфельчиком? Неужто домой смыться решил пораньше? Или как?

– Или как, – отрезал Лунин, кивнув в сторону удаляющейся Шестаковой, – с адвокатом встречался, документы кое-какие забрать надо было, вот портфель и взял, чтоб потом в руках не нести.

– А чего здесь встречаешься? – подозрительно прищурился Хованский. – Тебя что, из кабинета выселили?

– Спешит она очень, – быстро нашелся Илья, – просила спуститься.

– Ну, ясно, галантность проявляешь. – Удовлетворив любопытство, Дмитрий Романович несколько подобрел. – Вот что, Илюша, через пять минут жду всех в моем кабинете. Я сейчас

¹ Подробности этого расследования вы можете узнать, прочитав роман «Я, Лунин».

Светке скажу, она по коридору пробежится, но и ты, коли уж мне попался, предупреди соседей, чтоб все покучней подходили.

– Непременно, Дмитрий Романович, сделаю. – Илья с грустью подумал, что звонить Сережке Ракитину – приятелю, работавшему в соседнем кабинете и сбежавшему с рабочего места еще полчаса назад, смысла уже не имеет, все равно так быстро вернуться назад он не сумеет.

Десять минут спустя Лунин в компании немногочисленных коллег, к своему счастью не успевших покинуть здание следственного управления, сидел в кабинете Хованского, выслушивая грозные тирады, одна за другой изливающиеся изо рта возмущенного руководителя. Сказать по правде, Лунин только делал вид, что слушал, старательно вздрагивая при каждом, особенно яростном вопле, и кивая в такт очередной паузе между угрозами и проклятиями в адрес отсутствующих. На самом деле Илья, как это с ним часто случалось, был погружен в глубокие, не имеющие никакого отношения к происходящему размышления. Результатом этих размышлений явился извлеченный из кармана брюк смартфон, в котором в самый разгар не имеющего никакого смысла совещания Лунин добавил новый контакт в раздел «Избранные». Полюбовавшись обновленным списком, Илья еще немного подумал и переименовал контакт. Запись «Шестакова И.» исчезла, а вместо нее появилась другая, менее официальная – «Ириша».

Да, август определенно был удачным месяцем, очень удачным. Один только лунинский день рождения чего стоил. Хотя поначалу Илье казалось, что все могло складываться и удачнее. Выходя из кабинета Хованского, Илья, ошарашенный генеральскими поздравлениями и литровой бутылкой «Хеннесси», наткнулся в приемной на высокую широкоплечую женщину, Анастасию Павловну Короткову – старейшего, или, как она сама себя называла, опытнейшего во всей области следователя, чей могучий, раскатистый контральто с годами только усилился, хотя и приобрел некоторую хрипловатость.

– Именинник! – Раскинув руки, Анастасия Павловна на мгновение уподобилась статуе Христа, возвышающейся над далеким южноамериканским городом. Лунин почувствовал мимолетное желание пригнуться, чтобы казаться чуть ниже, поскольку при всех своих грендерских кондициях и высоких каблуках, от которых Короткова не отказывалась, даже разменяв седьмой десяток, до ста девяносто шести сантиметров лунинского роста пары сантиметров ей все же не хватало.

– Анастасия Павловна. – Склонив голову, Илья ткнулся щекой в дряблую, обильно присыпанную пудрой щеку, изображая некое подобие поцелуя.

– Я тебя поздравляю, – пророкотала статуя, – искренне. Хоть ты, конечно, и засранец, – Короткова многозначительно покосилась на пустующее Светочкино кресло, – но все же мужик хороший. Да и следователь неплохой.

– Ну что вы, со старой гвардией не сравниться. – Работая с Анастасией Павловной уже не один год в одном здании, Лунин знал правильные ответы на все традиционные фразы, из года в год звучащие от руководства и более опытных сотрудников.

– А и не надо! Не надо на нас равняться! – Немного отстранившись, Короткова одобрительно взглянула на Лунина, а затем подставила под поцелуй другую щеку. – Вы, молодежь, должны быть лучше нас, стариков. Так что иди и будь лучшим. Иди, Лунин! – Последнюю фразу Анастасия Павловна выкрикнула столь громко, что Илье даже послышалось легкое дребезжание оконного стекла.

– Да уж, пойду, поработаю, – пробормотал Илья, потирая правое, особенно пострадавшее от поздравительных воплей, ухо.

Не успел он распахнуть дверь в коридор, как на пути его возникли два наполненных жидкостью неопределенного цвета граненых стакана в серебряных подстаканниках, поднос, на котором стаканы перемещались в пространстве, и Светочка, непосредственно перемещавшая поднос, а точнее мчащаяся с явным превышением допустимой скорости навстречу Лунину. В

узком пространстве дверного проема возможности для маневра были ограничены. Применив экстренное торможение, Лунин успел остановиться, но этого оказалось недостаточно, чтобы избежать столкновения.

– Ой, – испуганно произнесла Светочка, угодив подносом Илье прямо в грудь чуть ниже застегнутой верхней пуговицы на кителе.

– Мать вашу, – не удержался в ответ Лунин после того, как не сказавшие ничего стаканы дружно нырнули вперед, извергая свое содержимое прямо на китель.

– А дай-ка я посмотрю, – пророкотала Анастасия Павловна, стремительно выныривая из-за спины Лунина. – Ну ты и обделался, – в голосе ее слышалось явное удовлетворение, – а тебе ведь еще сегодня гостей принимать.

– Ничего, рубашка вроде сухая, – растерянно пробормотал Илье, опустив голову и разглядывая два мокрых пятна у себя на груди.

– Так, давай я сейчас в химчистку сбегую, – моментально сориентировалась Светочка, – у нас же здесь рядом, в соседнем доме. Там и за срочность доплачивать не надо, через пару часов все вернут.

– Я потом сам отнесу, – попытался было отказаться Лунин, но в то же мгновение ощутил тяжелую руку, опустившуюся ему на воротник.

– Скидывай лепень. – Короткова, начинавшая сорок лет назад службу еще в советской милиции, уголовным жаргоном владела в совершенстве и периодически делилась своими познаниями с окружающими. – Светка накосячила, пусть теперь и разруливает. Ты во сколько народ собираешь?

– К пяти, как обычно, – отозвался Илье, с явной неохотой расстегивая пуговицы одну за другой.

– Ну вот и славно, – заключила Анастасия Павловна, стягивая китель у него с плеч, – к пяти все будет, как и было.

– Даже лучше, – с готовностью подхватила Светочка.

Илье обреченно вздохнул и, оставив китель в цепких объятиях Анастасии Павловны, вышел из приемной.

К пяти в кабинете Лунина было не протолкнуться. Еще раз пересчитав по головам собравшихся коллег, Илье с грустью подумал, что спиртного он, скорее всего, купил недостаточно и в конце концов придется откупоривать подаренную Хованским бутылку, чего делать, конечно же, не хотелось. Ко всему прочему, настроение портило отсутствие Светочки, клятвенно обещавшей до пяти вернуть лунинский китель и вот теперь опаздывающей и даже имеющей наглость не отвечать на его звонки.

– Ну что, пора выпить за именинника, – на правах старшего по званию провозгласил Хованский, протягивая Илье бокал, почти до самого верха наполненный коньяком. В это же мгновение дверь распахнулась и в кабинет ворвалась Светочка. Выхватив у нее из рук китель, Лунин поспешно натянул его на плечи, чтобы соответствовать торжественности момента.

Выждав несколько секунд и убедившись, что бокалы у всех присутствующих наполнены, Хованский продолжил:

– Выпьем за нашего коллегу, за мужчину в самом расцвете сил, за, не побоюсь этого слова, хорошего следователя, – хитро прищурившись, Дмитрий Романович неожиданно подмигнул Илье, – за подполковника юстиции Илью Олеговича Лунина!

– Лунин уже было открыл рот, чтобы поправить оговорившегося шефа: «За майора», но, вывернув голову до упора влево, так и остался стоять с раскрытым ртом, разглядывая собственное плечо, на котором отчетливо виднелись не одна, а целых две золотистых звезды.

– За подполковника Лунина! – радостно взвизгнула, хватая бокал с шампанским, Светочка.

Хороший день! Илья обвел любящим взглядом собравшихся вокруг него сослуживцев и залпом осушил бокал с коньяком.

Хороший день! Самый лучший... был. Вчера. При каждом движении голова потрескивала и грозила рассыпаться на множество осколков. Опираясь рукой о стену и зачем-то зажмурившись, Илья ярко представил, как дверь квартиры распаивается и внутрь по-хозяйски входит генерал-майор Хованский, за ним семенит Светочка, делая вид, что первый раз оказалась в квартире Лунина, потом появляется Сережка Ракитин, а за ним еще какие-то люди, которых Илья наверняка знает, но прямо сейчас имена их вспомнить не может. Вся эта толпа, не задерживаясь в прихожей, вваливается в гостиную, посреди которой среди множества обезвоженных, окаменелых черепков недвижимо валяется его, Лунина, безголовое тело, и начинают, отбрасывая черепки в угол комнаты, что-то искать. «Не нашел?» – периодически спрашивают они друг друга, отрицательно качают в ответ головой и продолжают поиски. В конце концов, кто-то самый нетерпеливый, скорее всего Хованский, раздраженно бросает: «А может, и не было ничего?» В этот момент Илья наконец понимает, что именно они ищут. Начальник следственного управления и все его подчиненные ищут и не могут найти мозг Ильи Лунина. «А если и вправду ничего не было? – с ужасом думает Лунин. – Стыд-то какой. Ладно еще, когда майором был. Майор без мозгов – это нормально. Они почти все такие, безмозглые. Но ведь сейчас целый подполковник! Что мама скажет, когда узнает?»

Охватившее его чувство стыда было столь сильным, что Лунин проснулся. В последний момент он ухитрился ухватиться за дверную ручку и избежать падения на пол. «Это же надо – уснуть стоя». Илья несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь насытить кровь кислородом, и, покачиваясь, двинулся на кухню. Там, стоя у распахнутой двери холодильника, он некоторое время пытался сделать мучительный выбор между таблетками растворимого аспирина и бутылкой шампанского, которую кто-то, возможно даже он сам, предусмотрительно положил на нижнюю полку. Неожиданно вышедший из забвения сегмент мозга, очевидно отвечающий за творческое мышление, предложил компромиссный вариант – растворить таблетки в шампанском, но остальные части организма этому решительно воспротивились.

Полчаса спустя Лунин чувствовал себя значительно лучше. Головная боль, благодаря действию аспирина, если и не прошла полностью, то, во всяком случае, стала вполне терпимой, а контрастный душ придал организму дополнительный, столь необходимый ему, заряд бодрости. Илья стоял в прихожей перед зеркалом, дающим возможность разглядеть себя в полный рост. В правой руке он держал чашку кофе, из которой периодически делал неторопливый глоток, зажмуривался от удовольствия, а затем с шумом выдыхал: «Аах!» – после чего вся процедура вновь повторялась. Из одежды на Луине был только китель, украшенный новенькими, с двумя крупными звездами на каждом, подполковничьими погонами. Издав очередное «Аах!», Илья повернулся к зеркалу боком и попытался втянуть живот. За последние месяцы он несколько располнел. Как полагал сам Лунин, он набрал от силы три, максимум четыре, килограмма. Как обстояло дело на самом деле, выяснить было не сложно, здесь же, в углу прихожей, без дела пылились напольные весы, но оскорблять самого себя недоверием, особенно сейчас, Илье не хотелось. Пять! Пусть будет пять. Все равно не так уж и много. Правда, до этого, еще весной, он и так набрал на пару килограммов больше, чем весил обычно, а обычно он весил килограммов на восемь больше, чем следовало при его росте. Запутавшись в собственных килограммах, Илья вновь повернулся лицом к зеркалу и коснулся рукой заметно округлившегося живота.

– В конце концов, почему бы и нет, – пробормотал Лунин и решительно шагнул в сторону томящихся от безделья весов.

– Да как же так, – с отчаянием произнес он, дождавшись появления окончательного результата на электронном табло.

Конечно, что-то, например килограмм, можно попытаться списать на все еще зажатую в руке, уже совсем пустую чашку, еще парочку, а то и все три, как-никак звезд на погонах стало вдвое больше, на китель. И все равно оставалось много, слишком много.

«Я толстый? Я толстый», – мысленно спросил себя и так же беззвучно отозвался себе Лунин.

Вспомнив еще один вчерашний подарок, он сунул руку в карман и нащупал сложенный вдвое конверт. В конверте лежала пластиковая карта с легко узнаваемым логотипом крупнейшей в области сети фитнес-клубов. «Годовой абонемент! В любое время суток! С бассейном!» – одно за другим всплывали в голове хвалебные восклицания Ракитина, который на правах друга и вручал Илье этот подарок.

«Я толстый», – пришел к обоснованному выводу Лунин, разглядывая яркий кусок пластика.

Но август не был бы августом, если бы в тот самый момент, когда настроение Лунина было готово испортиться окончательно, не раздался телефонный звонок.

– Илюша, ты как? – послышался в смартфоне неестественно бодрый голос Хованского. – Тяжко?

– Терпимо, Дмитрий Романович, – тут же насторожился Лунин, хорошо помнивший слова, сказанные генералом накануне: «Езжай отсыпайся. Завтра я тебя беспокоить не буду».

– Так это же замечательно, – чрезмерная радость начальника следственного управления с каждым словом становилась все радостнее и чрезмернее, – это же очень хорошо. Ты там чем, дружок, занят? Поди, ничем?

– Ничем, – постеснялся соврать Лунин.

– Чудесно! Просто чудесно! – Градус генеральского восторга достиг предельных значений и был готов вот-вот излиться Илье на ухо прямо из динамика смартфона. – Приезжай тогда ко мне. Посидим поболтаем. Очень уж мне с тобой поговорить охота.

– Дмитрий Романович, – понимание того, что внеплановый выходной кончился, так и не успев толком начаться, не могло помешать Илье предпринять хотя бы формальную попытку остаться дома, – мне ведь сейчас за руль лучше не садиться.

Немного помолчав, Хованский с грустью вздохнул.

– Знаешь, ты прав.

Оторвав телефон от уха, Лунин недоверчиво взглянул на черный прямоугольник, ожидая подвоха.

– Я тоже об этом подумал, – подтвердил его худшие опасения генерал, – я даже по такому случаю открыл карту движения общественного транспорта. Из твоего района в центр автобус ходит, шестерка. Ну и маршрутка под тем же номером. Потом пересаживаешься на девятый трамвай, две остановки, и ты на месте. Запомнил? Простая комбинация, шесть и девять, ты должен запомнить. – В телефоне раздался короткий смешок.

– Спасибо, я лучше такси вызову, – отозвался Лунин.

– Вот, вижу, что способность к логическому мышлению тебя не покинула, – вновь ожил Хованский, – а это значит, что наше с тобой общение будет не только приятным, но и, возможно, продуктивным. Ладно, не грусти, машину я за тобой уже выслал. Минут через двадцать Саенко за тобой подъедет.

– Коля? – хмуро переспросил Илья. – Может, я все же на такси?

– Я его за тобой на весь день закрепил, – проигнорировал вопрос Хованский, – он тебя покатает малость, а потом домой привезет. Так что собирайся, он, как подъедет, тебя наберет.

– Собираюсь. – Решив, что еще одна чашка кофе перед выездом не помешает, Илья включил чайник.

– И оденься по форме, – дружеская веселость из генеральского голоса куда-то улетучилась, – мне надо, чтобы ты хотя бы внешне на следователя был похож.

Полчаса спустя Лунин уже сидел на переднем пассажирском сиденье черной «той-оты-камри». Откинув спинку сиденья и закрыв глаза, Илья попытался было изобразить спящего, но водитель служебной машины на правах гостеприимного хозяина тут же затеял с пассажиром, по его мнению обязательный и не имеющий права прекращаться до самого конца поездки, разговор. Из-за чрезмерной, навязчивой болтливости Саенко в управлении его недолюбливали, хотя, по странной прихоти руководства, ему и досталась самая новая из разрезанных машин.

– Ты посмотри, посмотри на него, дурака, – заклокотало от возмущения над левым лунинским ухом. – Вот скажи мне, какой человек в здравом уме себе на машину такие номера вешать будет?

С усилием приоткрыв глаза, Илья взглянул на объект праведного гнева. Новенький черный внедорожник «лексус» с номерным знаком Х001СС занимал добрую половину узкой подъездной дорожки.

– Ну, купил человек номер, что такого? – не понял возмущения водителя Лунин. – Если есть деньги, пусть тратит. Тебе-то что?

– Купил? – Только пристегнутый ремень безопасности не позволил Саенко взвиться под потолок. – Что он купил? Лучше бы он мозгов себе купил хоть немного. Я такой номер и бесплатно себе ни в жизнь не повешу.

– Плохой номер? – Илья вновь закрыл глаза. – Ноль ноль первый. Тысяч пятьдесят, наверное, стоит. А может, и все сто.

– Да ты не на цифры, ты на буквы смотри, – горячился Саенко. – Что у него написано?

– Что? – не открывая глаз, переспросил Лунин.

– Ха! Эс! Эс! Понимаешь? Хаэсэс! Да еще ноль ноль первый. Первый хаэсэс на районе, вот он кто, получается. Тьфу, аж говорить противно!

– Коля, давай поспим, – жалобно попросил Илья, у которого от лингвистических изысканий водителя вновь разболелась голова, – давай поспим, Коля. Хорошо ведь будет.

– Лунин, вот ты звание новое получил, а ума так и не нажил, – окрысился в ответ Саенко, – как я тебе за рулем посплю? Я, в отличие от тебя, при деле. Глаза сомкнуть не могу.

– Сомкни хотя бы рот, Коля. – Илья сильнее откинул спинку сиденья и, скрестив на груди руки, тут же провалился в глубокий, но, к сожалению, не долгий сон.

– Вылезай, приехали, – ткнул его локтем в бок Саенко.

В качестве моральной компенсации за пропавший выходной в кабинете Хованского Илью ждал теплый прием.

– Господин подполковник, – выскочив из кресла, Дмитрий Романович устремился навстречу подчиненному, – рад. Несказанно рад, что вы нас посетили. Чай, кофе, коньячку?

– Лучше бы чаю, – попросил Лунин, – с лимончиком, а то от меня и так, как из винной бочки, прет.

– Можно подумать, ты винную бочку нюхал, – хмыкнул Хованский, доставая откуда-то из-под стола бутылку. – Накатить тебе надо, Илюша, граммов сто. Сейчас ведь от тебя вчерашним перегаром прет, а так будет коньяком пахнуть. Разница принципиальная. В таком звании, как у тебя, уже пора нюансы улавливать.

– Тогда коньяка, – не стал спорить с начальством Лунин, – и чая. С лимоном, если можно.

– Можно, Илюша, для тебя все можно, – провозгласил Хованский и тут же сделал звонок секретарше: – Светик, организуй господину подполковнику чаю с лимончиком. Да, господину генералу тоже организуй.

Сделав глоток, Лунин понял, что похмелиться стоило еще утром, и идея растворить шипучие таблетки обезболивающего в и без того шипучем шампанском, возможно, была не так уж плоха.

– Я ведь чего тебя позвал. – Откинувшись на спинку кресла, Дмитрий Романович на мгновение застыл, а затем, насладившись выдержанным старательными французами десятилетним коньяком и выдержанной лично им, по счастью, более короткой театральной паузой, продолжил: – У нас нарисовалось одно дельце. Дельце, я бы так сказал, с одной стороны, весьма деликатное, работать по нему надо без лишнего шума, а с другой стороны, Илюша, если ты это дело потянешь, то репутация твоя в области взлетит до максимально возможного, я бы даже назвал это – губернаторского уровня.

– Что, у нас губернатора убили? – Чувствуя серьезность момента, Лунин залпом допил остатки коньяка.

– Типун тебе на язык, – закашлялся Хованский. – Пусть живет в свое удовольствие. Мужик он нормальный, да и дела у меня с ним кой-какие.

Дмитрий Романович причмокнул от удовольствия губами и многозначительно подмигнул Лунину, который ни одного из значений данного подмигивания так и не понял.

– В общем, не важно. Сергиевич жив, здоров, и слава богу. Но в целом, Лунин, мыслишь ты в правильном направлении. Вчера вечером, пока ты тут напивался, убили Фильченко.

Убедившись, что коньяка в бокале уже не оставалось и помянуть Фильченко не представляется возможным, Лунин простодушно полюбопытствовал:

– А кто это?

– Эх ты, деревня, – незлобиво попенял ему Хованский, – таких людей знать надо. Фильченко – заместитель губернатора по дорожному строительству. Был, пока не помер. Сказать по правде, его и так через две недели должны были с почетом на пенсию проводить, а теперь в другое место провожать придется. Тоже, конечно, с почетом, но, сам понимаешь, тосты будут другие.

Услышав про тосты, Лунин машинально покосился в сторону стоящей на столе пузатой бутылки.

– Утомонись, – перехватил его взгляд Хованский, – от офицера коньяком должно пахнуть ненавязчиво, как духами от женщины. Послушай лучше диспозицию всего этого безобразия. Фильченко живет за городом, в коттеджном поселке Журавли. Из членов семьи у него имеется жена, которая младше его лет на двадцать. – Генерал открыл лежащую перед ним на столе папку для документов и сверился с записями. – Вру! На двадцать три года она его младше.

– А сколько было усопшему? – заинтересовался Лунин.

– Усопшему, – усмехнулся Хованский, – усопшему пару месяцев назад исполнилось шестьдесят семь.

– Ага, значит, супруге его... – Илья беззвучно зашевелил губами, производя сложные вычисления.

– Слушай, Лунин, ты точно после вчерашнего соображать можешь? – Хованский нахмурился и спрятал бутылку куда-то под стол. – Сорок четыре его жене. Точнее, уже вдове. Кроме нее, на момент смерти Фильченко в доме ошивались двое его детей от первого брака и двое от второго.

– И сколько их всего? – приподнял бровь Лунин.

– Три брака, четверо детей. – Хованский предпочел разом ответить на оба возможных варианта вопроса. – Хотя дети – это понятие условное. Старшенькие брат с сестрой, им уже под сорок, а младшенькие, тоже, кстати, мальчик и девочка, ему тридцать два, ей двадцать девять.

– И что, они все живут в одном доме?

– Нет, своих отпрысков папаша жильем обеспечил. – Дмитрий Романович вновь уткнулся в папку. – Один сын здесь, в Среднегорске, живет, еще один – в Москве, ну а девочки предпочли культурную столицу. Обе в Питере.

Дверь кабинета скрипнула, и на пороге появилась Светочка с подносом в руках, на котором стояли уже хорошо знакомые Лунину стаканы в серебряных подстаканниках.

– Тогда по какому поводу все собрались в одном месте? – задал вопрос Илья, дождавшись, когда Светочка вновь покинет кабинет.

– Повод у них один может быть. Так захотела папина левая нога. Фильченко приспичило в кругу семьи отметить десять лет брака с последней женой.

– Не уверен, что дети от идеи были в восторге.

– Не уверен, что вообще кто-то был в восторге, – согласился Хованский. – Взять по итогу, старик, я думаю, тоже не в восторге остался.

Захлопнув папку, генерал толкнул ее в направлении Лунина, и та плавно заскользила по полированной поверхности стола.

– Держи, посмотришь по дороге. Да, кроме этой семейки, в доме были еще двое. Муж с женой. Они вроде как у Фильченко уже лет пять работают, помогают по хозяйству. Живут там же, на территории, в домике для прислуги.

– А что, охраны никакой не было? – удивился Илья.

– Нет. Там такой поселок упакованный, периметр хорошо охраняется, так что свою охрану мало кто держит, хотя публика там солидная. В этих Журавлях половину, конечно, пересажать надо, – Хованский усмехнулся, – но другая половина за соседней заступается. Областной прокурор, кстати, тоже там ночует. В общем, Илья, надо с этим делом аккуратно разобраться, понять, кто старичка прибил.

– А его прибили?

– Я тебе не сказал? – спохватился Хованский. – Стукнули по затылку глобусом. Бронзовым. Так что затылок такого погружения в географию не перенес. Еще раз говорю тебе, Лунин, старичок непростой был. Губернатор мне сегодня уже два раза звонил, очень уж хочет, чтобы виновное лицо было установлено.

– И понесло ответственность по всей строгости закона, – подхватил Лунин.

– Молодец, соображаешь, – похвалил Дмитрий Романович. – Эта семейка без папаши ничего особенного не представляет. Так что, если хочешь, оформляй их всех подозреваемыми, закрывай в изолятор и тряси, пока не признаются. Кроме них, ну и еще прислуги, в доме никого не было.

– Герметичный детектив, – поделился полученными из книг познаниями Лунин.

– Герметичное должно у тебя быть расследование. – Хованский угрожающе постучал по столу указательным пальцем. – Пришел, нашел, посадил, забыл, что там был. Сергиевич очень не хочет, чтобы информация по этому делу куда-то просочилась. Репутационные, говорит, будут издержки. Так что со следственной группы, которая на вызов выезжала, я уже взял подписку о неразглашении, тебе, я думаю, достаточно устного внушения.

Хованский вновь откинулся на спинку кресла и махнул рукой в сторону двери.

– Все, хватит болтать. На месте разберешься, что к чему. Будут какие вопросы, звони сразу мне. И помни, Илюша, церемониться там не с кем. Главное – результат.

Кивнув, Илья поднялся из-за стола и шагнул к двери.

– Дмитрий Романович, можно вопрос? – обернулся он к уже закрывшему глаза и приготовившемуся впасть в дрему Хованскому.

– Только коротко. – Генерал приоткрыл левый глаз, и черный зрачок впился Лунину в переносицу.

– Почему я? – смущенно спросил Лунин. – Я же понимаю, что дело ответственное.

– Тебе честно ответить или соврать? Ладно, скажу по случаю вчерашнего праздника. – Второй глаз Хованского тоже соизволил открыться. – Почему ты? Да потому, что ты, Лунин, не такой идиот, как все остальные. Доволен?

Илья удивленно кивнул и, пятясь, нашарил у себя за спиной ручку двери.

– Только вот что, Илюша, – последняя реплика генерала догнала Лунина уже в дверном проеме, – если ты не такой идиот, как все, это не значит, что ты вовсе не идиот.

Озадаченный этим глубокомысленным высказыванием, Лунин миновал приемную, не обратив никакого внимания на устремленный ему в спину взгляд Светочки.

Дорога от здания следственного комитета, расположенного почти в самом центре Среднегорска, до коттеджного поселка, в котором произошло убийство, заняла почти сорок минут. Все это время Лунин провел, склонившись над раскрытой папкой, переданной ему Хованским. На самом деле на изучение нескольких листов машинописного текста и пары десятков фотографий у Лунина ушло от силы минут пятнадцать, остальное время он лишь делал вид, что работает с документами. Это был единственный шанс ехать хотя бы в относительной тишине, если, конечно, к таковой можно было приравнять очередной еженедельный хит-парад местной радиостанции.

Фильченко Яна Григорьевна. С ксерокопии паспорта на Лунина смотрела совсем молодая, очаровательная девушка, лицо которой, по мнению Ильи, немного портил чересчур задранный кверху кончик носа. «Халтурщики», – пробормотал Лунин, вспомнив о том, что супруге убитого меньше чем через два года, по достижении сорокапятилетия, надо будет менять паспорт. Готовившие для Хованского папку могли бы поместить в нее более свежую фотографию.

Точно так же обстояло дело и со снимками остальных членов семьи. Владимир – старший сын убитого, был на девятнадцать лет старше самого себя на фотографии в паспорте, а его родная сестра Оксана – на семнадцать. Конечно, дети Фильченко от второго брака были значительно моложе. Егору, как следовало из записи о рождении, всего две недели как исполнилось тридцать два года, а самая младшая в семье – Наташа, в сентябре должна была отметить тридцатилетний юбилей.

– Халтурщики, – вновь раздраженно пробормотал Лунин, очевидно, на этот раз несколько громче, чем следовало, поскольку взглянувший на него Саенко тут же убавил громкость радиоприемника и включился в разговор:

– Халтурщики! Правильно ты, Лунин, говоришь, кругом только и есть, что одни халтурщики. Вот мы по дороге едем. Чуешь, как машину трясет? Потому как одни эту халтуру делали, другие эту халтуру подписали, а бабки промеж собой попилили. Потом третьи халтурщики будут эти же бабки перепиливать, когда на первых двух уголовные дела заводить начнут. Нет, ты скажи мне, ты чуешь, как машину потряхивает?

– Чую я, чую, – отмахнулся Илья, с радостью заметивший дорожный указатель, судя по которому до поворота на Журавли оставалось всего полтора километра.

– А ведь не только в дороге дело, – продолжал делиться жизненной мудростью водитель. – Вот я загонял машину в апреле в гараж резину на летнюю поменять. Попросил заодно балансировку сделать. Что, думаешь, кто сделал? А вот фиг тебе! Кругом халтура одна. Лишь бы быстрее гайки закрутить да по домам.

– Коля, – Илья удивленно повернулся к Саенко, – ты в курсе, что послезавтра сентябрь?

– Я в курсе, я всего в курсе. – Саенко включил поворотник и немного сбавил скорость перед съездом с трассы. – И что с того?

– Ты за четыре месяца не мог еще раз заехать в гараж и попросить сделать балансировку?

– А с чего это я должен за ними бегать? – возмутился Саенко. – Ты пойми, Лунин, это ж система. Так что ж я против системы головой биться буду? Нравится людям халтурить, ну пусть халтурят. Вот взять тебя, Лунин, ты ведь тоже халтурщик.

– Это с чего вдруг? – нахмурился Илья.

– А как же? – усмехнулся Саенко. – Вот ты к людям по делу едешь, причем, раз тебе машину с мигалкой выделили, по важному делу, а от самого бормотухой какой-то прет. Разве это не халтура? Я понимаю, ты бы водки выпил. Чистый продукт, не стыдно людям в глаза глядеть! Так нет же, вы, как в начальники выбьетесь, водочкой брезговать начинаете. Вам что-нибудь иностранное подавай, чтоб этикетка позакovyристеет. Вот ты чего налакался, виски?

– Коньяк, – честно признался Лунин, – вчера семь лет выдержки, а сегодня десять.

Очевидно, охранники, дежурившие на въезде в коттеджный поселок, были осведомлены о произошедшем накануне убийстве. Шлагбаум пополз вверх еще до того, как Саенко успел посигналить.

– Вы к Фильченко? – Один из охранников, молодой загорелый парень лет двадцати, подошел ближе к машине.

– К нему, – согласился Илья, понимая, что самого виновника их визита дома быть не может. – Дорогу подскажите?

– Езжайте прямо по центральной улице, на третьем перекрестке налево поворачивайте, и там до конца, его участок последний будет.

– Спасибо! – Илья благодарно махнул рукой.

– Сами бы разобрались, – буркнул Саенко и, выжав до упора педаль акселератора, помчался по тихой улице, явно превышая допустимый предел скорости. – Господи, ну кто им такую машину купил, балбесам, – выдал очередную тираду Саенко, – ты посмотри. Разве на этом можно ездить?

Лунин взглянул на выезжающий из распахнутых ворот автомобиль. Обычный белый седан с зеленой полосой и надписью: «Служба судебных приставов».

– Что там, опять номера не те? – на всякий случай уточнил он у водителя.

– Да при чем тут номера! – Проехав еще метров пятьдесят, Саенко резко остановил машину. – Ты видел, на каком недоразумении они ездят? «Шкода»! «Шкода», ты понимаешь.

– Не очень, – честно признался Илья. – Что с ней не так?

– Ну «шкода» же, – с отчаянием простонал Саенко. – Я помню, ребенком был, у нас в деревне кота так звали, если он в доме нагадил. Мордой его в это дело тыкали. Чтоб больше не шкодничал. Тупая, правда, скотина была, ничего не помогало. Так что, сам посуди, на «шкоде» кто ездить может? Только шкодники. Вот видишь, эти приезжали, нашкодничали и укатили.

– Ясно, – вздохнул Лунин, открывая дверь автомобиля. – Что мы тогда, по-твоему, здесь делать будем?

– Работать, Лунин! – с усмешкой отозвался водитель. – Точнее, ты работать, а я тебя ждать здесь, в тенечке.

– Это тоже следует из названия нашего автомобиля? – уточнил Илья.

– Это следует из наших должностных инструкций, – отрезал вдруг поскучневший Николай. – Иди, Лунин, дай поспать спокойно. Уболтал ты меня за день.

Глава 3, в которой становится ясно, что чем больше у покойного родственников, тем больше у следователя подозреваемых

Коснувшись клавиши переговорного устройства, Лунин огляделся по сторонам. Выехавший из соседних ворот белый автомобиль уже давно скрылся за поворотом. Улица была тиха и пустынна. Вереница фонарных столбов, на некоторых из которых Илья заметил камеры наблюдения, молчаливо застыла вдоль тротуара, словно выставленная рота почетного караула, такая же подтянутая, молчаливая и, по большому счету, абсолютно бесполезная. За спиной Ильи что-то негромко щелкнуло. Сержант, в серой полицейской форме, с таким же серым невзрачным лицом, документы у Лунина спрашивать не стал. Скользя взглядом по массивной фигуре следователя и, как показалось Илье, на секунду задержавшись на новеньких подполковничьих погонах, он отступил в сторону, открывая доступ во владения Фильченко.

– Кто тут старший у вас? – осведомился Лунин, проходя во двор.

– А нету старших, одни младшие, – усмехнулся сержант. – Старшие, говорят, еще вчера разъехались, а мы на пост только с утра заступили.

– И много вас тут, – Илья с интересом разглядывал дом Фильченко – огромный стеклянный куб с плоской крышей и редкими вставками выкрашенного в белый цвет бетона, – на посту?

– Двое, как положено. – Сержант полез в карман за сигаретами. – Второй кофе пить пошел. – Полицейский кивнул в сторону небольшого белоснежного домика, едва виднеющегося из-за разросшихся кустов калины. – Там у них обслуга живет, муж с женой. Вроде ничего так, гостеприимные. Сами наливают. – Сержант заметил, как у Ильи дернулась бровь, и поспешил уточнить: – Кофе. Хороший кофе, в турке варят. Грех ведь отказываться.

– Тоже верно, – успокоил заволновавшегося было сержанта Лунин. – Так, значит, с утра, кроме вас, тут никого больше не было?

– Почему не было? – равнодушно щелкнул зажигалкой сержант. – Часов в десять приехал опер из областного управления, Зубарев. Пробыл в доме около часа и уехал, нам сказал никого за территорию не выпускать, ждать следователя.

– Ну, значит, дождались, – хмыкнул Илья.

– И что теперь? – Сержант оторвался от созерцания выпущенной им в небо струи дыма и, не мигая, уставился на Лунина.

– Все то же. Никого не выпускаете, пьете кофе. – Илья несильно хлопнул сержанта по плечу, отчего худощавого полицейского качнуло из стороны в сторону. – Пойду. Тоже кофе попробую.

Из-за кустов калины вдруг послышался оглушительный лай. От неожиданности Илья вздрогнул и тут же почувствовал на себе насмешливый взгляд сержанта.

– Тут что, собака?

– Собаки, – усмехнулся полицейский, – две! Причем доберманы. Страйк и Руна. Но они в вольере заперты, так что вам ничего не угрожает.

– В вольере – это хорошо, – буркнул Лунин.

Пройдя по аккуратной, выложенной каменными плитами дорожке мимо главного здания, Илья направился в сторону домика прислуги. Краем глаза он успел заметить расположенный в глубине участка бассейн, несколько шезлонгов, расставленных в живописном беспорядке со всех сторон от серебрищейся на солнце водной глади, и женскую фигуру в отдельном белом

купальнике, рас- положившуюся на одном из этих шезлонгов. Все увиденное Лунину крайне понравилось, и лишь усилием воли он заставил себя продолжить изначально выбранное движение в сторону маленького белого домика.

Красильниковы Мария Геннадиевна и Николай Федорович. Ей пятьдесят четыре, он всего на год старше. Как следовало из короткого, посвященного супругам абзаца в прочитанных Луниным материалах, пять лет назад они перебрались в Среднегорскую область с юго-востока Украины и с тех пор работали у Фильченко. Родственников Красильниковы не имели, что было уже неплохо. Чем меньше родственников, тем меньше заинтересованных лиц, это Лунин прекрасно знал из своего, уже достаточно богатого, профессионального опыта. Конечно, бывает и так, что родственники заинтересованы в чем-то хорошем, но, поскольку по роду своей деятельности с хорошим Лунину сталкиваться, как правило, не приходилось, у него уже несколько лет как сложилось стойкое убеждение, что все лица, имеющие друг с другом кровное родство, только и ждут удобного момента, чтобы сделать какую-нибудь гадость своим братьям, сестрам, родителям, детям, а порой и просто знакомым всех перечисленных ранее членов семейства.

Не постучав, Лунин потянул на себя дверь, которая, как он и предполагал, оказалась незаперта. Пройдя сквозь небольшую полутемную прихожую, Илья оказался в достаточно просторной для такого небольшого домика гостиной, в которой за круглым укрытым цветастой скатертью столом сидели три человека.

– Лунин Илья Олегович, следовательно.

Продемонстрировав присутствующим удостоверение, Илья пристально посмотрел на сержанта, значительно более упитанного, чем его скучающий во дворе напарник. Под взглядом подполковника тот смутился и залпом допил остававшийся в чашке кофе.

– Я, пожалуй, пойду. – Сержант торопливо вскочил из-за стола и на всякий случай замер, ожидая возможных возражений.

– Пожалуй, – кивнул Лунин. Дождавшись хлопка входной двери, он занял освободившийся стул и, положив папку с документами на стол, подпер вновь отяжелевшую голову обеими руками.

– Вам, может, чайку, – моментально поняла его состояние хозяйка дома, – с лимончиком?

– А лучше коньячку, – вмешался ее супруг, чье круглое, с едва заметной, но все же уловимой хитринкой лицо заставило Лунина усомниться в правдивости трагичного финала сказки о Колобке, – граммов пятьдесят. И голове лучше станет, и запах приятный будет.

– Лучше чая, – согласился с хозяйкой Лунин, – коньяком от меня и так пахнет.

Забрав со стола чашку, из которой пил сержант, Мария Геннадиевна убежала на кухню. Немного помассировав пульсирующие виски, Илья взглянул на притихшего Николая Федоровича и коротко скомандовал:

– Ну, рассказывайте.

– Что именно? – «Колобок» услужливо улыбнулся, а на щеках его проступил неожиданный румянец.

– Все. – Открыв папку, Илья извлек из нее бланки протокола допроса. – Все, что вчера было. Что видели? Что слышали? Что сами делали?

– Ничего, ей-богу, ничего! – поклялся Николай Федорович. – Ни вчера, ни сегодня.

– Что – ничего? – уточнил Лунин. – Ничего не делали? Зачем вас тогда тут держат?

– Так ведь газон, газон стричь надо, – затараторил в ответ Красильников, – одного газона почти сорок соток. А яблоки? Вот вчера яблоки до самой темноты собирали. Опять же, дрова.

– Здесь что, дровами топят? – удивился Илья.

– Так-то, конечно, здесь все на газу, но ведь то камин разожгут, то баню затопят, а то и во дворе кострище организуют, – с грустью в голосе объяснил Николай Федорович. – Можно ведь уже колотые дрова закупать, в цене не шибко большая разница, а уж Игорю-то Владимировичу,

покойному, ее и в микроскоп не углядеть было. Так ведь нет же! Он ведь как любил? Выйдет, посреди двора встанет и зовет меня, пойдем, мол, Федорыч, дровишки поколем. Это он меня так звал, значит, Федорыч.

Илья понимающе кивнул и тут же благодарно улыбнулся Марии Геннадиевне, поставившей перед ним полную до краев чашку чая с плавающей в ней толстенной долькой лимона.

– Вот иду я к нему, несу в каждой руке по топору, – продолжил повествование Красильников, – и вот начинаем мы в два топора дрова, значит, колоть. Только ведь оно как выходит?

– Как? – Лунин с удовольствием отхлебнул крепкого, в меру сладкого, с небольшой лимонной кислинкой чая.

– Владимирыч минут пять поколет, да и присядет в сторонке. Сидит смотрит, как я топором орудую, да подсказывает, как правильно. Очень уж он любил советы давать. За какое дело ни возьмись, все знал. – Красильников задумчиво потер мягкий округлый подбородок. – Ну или сам так думал, что знал. Вот сидит он, значит, мне советует, а я топором намахиваю. Так, бывает, по часу его советы и слушаешь, пока спина отваливаться не начнет.

– Ты сейчас наговоришь-то, – одернула супруга Мария Геннадиевна, – господин следователь еще решит, что у тебя к Игорю Владимировичу неприязнь какая была.

– Была? – Лунин шумно отхлебнул еще чая и зажмурился от удовольствия, обращение «господин следователь» ему было необыкновенно приятно.

– Скажете тоже. – Лицо Николая Федоровича приняло обиженное выражение, наверняка именно такое бывало у его сказочного прообраза в те минуты, когда очередная зверюга сообщала о желании плотно подкрепиться, причем именно им самим. – Нормальный мужик был, и мы при нем тоже горя не знали. Теперь-то непонятно, кому все это счастье, – кивнул он в сторону окна, – достанется. Да и будем ли мы нужны новым хозяевам?

– Ой, – фыркнула Красильникова, – кому бы ни досталось, полы сами они мыть не станут, да и газон сам себя не покосит. Так что нам бояться нечего, главное – дело свое делать дельно.

– А я что, не дельно? – возмутился Николай Федорович.

Лунин вздохнул. Делать дело дельно – это как раз то, чем ему сейчас стоило заняться.

– Давайте все же вспомним вчерашний день немного подробнее. – Допив чай, Илья с грустью разглядывал пустую кружку. Чайной ложки у него не было, а выковыривать прилипший ко дну ломтик лимона пальцем он не решался. – Если я правильно понял, Игорь Владимирович собрал родственников по случаю праздника.

– Праздник, – неодобрительно причмокнула губами Мария Геннадиевна, – что-то я праздника там особенно не заметила. Да и вообще, если уж про праздник говорить, так ведь это и не вчера вовсе было.

– А когда же? – удивился Лунин, смирившийся с тем, что кусочек лимона так и останется несъеденным.

Вскоре из объяснений Марии Геннадиевны, которые периодически прерывались комментариями ее круглолицего супруга, Лунин узнал следующее. Десятилетнюю годовщину свадьбы чета Фильченко отмечала позавчера, а немногочисленные гости начали съезжаться еще на день раньше.

Первым появился старший сын Игоря Владимировича. В калитку Владимир позвонил, как это точно помнил вышедший после обеда на крыльцо Николай Федорович, в начале третьего. Кивнув открывшему ему Красильникову, он молча прошел в дом, неся в одной руке не слишком больших размеров дорожную сумку, а другой неловко держа под мышкой какую-то достаточно тяжелую, но тоже вполне компактную коробку. От предложенной ему помощи Владимир все так же молча отказался.

– Он вообще, когда бывает, нас сильно разговорами не балует, – пожаловалась Мария Геннадиевна, – мы поначалу думали, что это он нас, прислугу, за людей не считает, а потом посмотрим, он со всеми так общается. Молча. Ему порой брат говорит, говорит что-то, а он либо

кивнет, если согласен, либо головой эдак мотнет из стороны в сторону, мол, не по нраву ему сказанное. А то и вовсе может не дослушать, развернуться посреди разговора и уйти. Он с сестрами такое частенько выделяет, особенно с младшей.

Почти час спустя одновременно прибыли дочери Фильченко. Обе они летели из Петербурга одним рейсом, и вполне логичным было то, что женщины решили взять одну машину такси на двоих (точнее, на троих – Наташа прилетела вместе со своим мужем Андреем), хотя, как показалось в очередной раз открывавшему калитку Николаю Федоровичу, идея была не очень удачной.

– Уж не знаю, что они там по дороге успели не поделить, – он с грустью покачал круглым лицом, – к нам из аэропорта ехать от силы минут пятнадцать, но разругались они вдрызг. Пока от машины до дома шли, не то что не разговаривали друг с другом, а словно никого рядом и вовсе не было.

– Но ведь они могли посориться еще в самолете, – возразил Илья и тут же покраснел, поняв, что сморозил глупость.

– Стали бы они тогда в одну машину садиться, – вздохнул Красильников и заботливо предложил: – Может, все же коньячку немного? Для живости ума, так сказать. Вам же сегодня, как я понимаю, весь день разговоры разговаривать.

– Разговоры разговаривать и дела делать, – в тон ему отозвался Лунин. – Мне, если можно, еще чайку.

Позже всех, уже в сумерках, на своем автомобиле приехал живший в Среднегорске младший сын Игоря Владимировича. В ответ на замечание Ильи о том, что живущий поблизости Егор мог бы приехать и утром, в день торжества, Николай Федорович на мгновение задумался.

– Вроде оно и так, да только, похоже, Игорь Владимирович пожелал, чтобы праздник у них с самого утра начинался. А значит, к его пробуждению гости должны были уже собраться в гостиную и ожидать его с нетерпением.

– Так и было, – подтвердила Мария Геннадиевна, – я ведь там с рассвета по кухне хлопотала, чтобы все в лучшем виде было. А когда Игорь Владимирович с Яночкой стали по лестнице вниз спускаться, все уже стояли с шампанским, поздравления им выкрикивали, а Егор, тот так даже хлопнушкой запустил, мы чуть все не оглохли.

– Весело у вас, значит, было, – заключил Илья.

– Да как сказать, – пожал плечами Красильникова, – на этом, считай, все веселье и закончилось. Ну, перекусили они, позавтракали. Шампанского выпили, кто поменьше, кто побольше. Владимир, так тот почти разом бутылку выдул. Потом они всей толпой у бассейна на шезлонгах валялись. День теплый был, почти жаркий. Вот прям как сегодня. Это ж редкость такая, чтоб у нас последние дни лета такие выдались.

– Да уж, – неопределенно промычал Лунин, так что понять, с чем именно он выразил согласие, не представлялось возможным. – Я сейчас тоже кого-то возле бассейна видел.

– Да это Яночка, она любит на солнце погреться, – улыбнулась Мария Геннадиевна. – Так про что я там говорила? Ах да, провалялись они у бассейна до самого обеда, а после него и вовсе по своим комнатам разошлись. Только к пяти вечера оттуда и стали выбираться. Тут как раз Игорь Владимирович всех к себе в кабинет позвал, фотографироваться.

– И вас тоже?

– Меня-то с какой стати? Я в это время как раз ему поднос с кофе принесла, так он мне телефон в руку сунул и велел снимать, как они все по очереди с ним обнимаются. А потом, после всех, он с Яной сфотографировался. Скажу вам, таких шикарных пар в наших краях, почитай, и нет больше. Я даже не удержалась, на свой телефон пару снимков сделала. Ну а потом, в шесть, у них праздничный ужин начался, на лужайке, за домом. Ну мне, слава богу, самой готовить не пришлось, ради такого дела Игорь Владимирович из ресторана какого-то

повара вызвал и официантов к нему в придачу. Так что мне только следить надо было, чтобы они по дому не шастали да не стащили чего.

– Ну и как? – полюбопытствовал Илья, заинтересовавшись, что такого необычного мог приготовить специально приглашенный повар.

– Ничего, – сурово поджала губы Красильникова, – все цело осталось. У меня глаз наметанный, сразу вижу, если кто не тем делом занят.

Мария Геннадиевна пристально уставилась на Лунина, отчего он почувствовал себя вдруг крайне неудобно.

– Ну и как дальше развивались события? – смог наконец выдать из себя Илья.

– Никак они не развивались, – отмахнулась женщина, – часа два за столами сидели, в тарелках ковырялись да музыку слушали. Я ж забыла сказать, еще и музыкантов пригласили. Музыканты, правда, были так себе. Песен совсем не пели, а играли все больше что-то грустное такое. Хотя, что с них взять? Вы мне сами скажите, ну разве на скрипке что приличное сыграть можно?

– Да уж, – неопределенно хмыкнул Лунин. – В общем, в тот день ничего интересного не было?

– Так оно и на следующий день ничего интересного не было, – усмехнулся Николай Федорович и тут же, спохватившись, поправился: – Ну, до самого вечера.

– Мы ж вообще поначалу думали, что наутро все разьежаться начнут, – подхватила Мария Геннадиевна, – ан нет, Игорь Владимирович распорядился обед на всю толпу готовить и об ужине сразу подумать. Нам-то, конечно, он не объяснял, что к чему. Дал распоряжение, да и все. Это уже потом я краем уха ненароком услышала, как остальные промеж собой переговариваются, что, мол, специально над ними измывается, мог бы свое объявление и пораньше сделать.

– И что за объявление? – заинтересовался Илья.

– Так а кто ж его теперь знает, – пожал плечами Николай Федорович, – вроде как он собирался вечером, после ужина, всех собрать и что-то им всем поведать. Вот только он, как поел, сразу к себе в кабинет ушел, а уж больше из того кабинета так и не вышел.

Заглянув на всякий случай в папку, Илья убедился, что правильно запомнил установленное экспертом время смерти Фильченко.

– Скажите, пожалуйста, – на всякий случай Лунин добродушно улыбнулся супругам, – а где вы сами находились в районе десяти вечера?

– Это на момент убийства, значит? – Один глаз Николая Федоровича почти закрылся в хитром прищуре, второй же пристально смотрел на следователя.

– Именно.

– Так во дворе и были, – не стала тянуть с ответом Мария Геннадиевна, – все во дворе были, так и мы тоже.

– Все во дворе были, – с сомнением повторил Лунин, – если все были, то кто же тогда... – Он замолчал, не закончив фразу.

Илья убрал в папку так и оставшиеся пустыми протоколы допроса.

– Получается, члены семьи в это время вас видели?

– Должны были, – задумчиво потер подбородок Красильников. – Мы, конечно, в сторонке ото всех стояли, поближе к кустам, к калине, вы мимо них сейчас проходили.

– Угу. – Илья вдруг почувствовал, что и у него самого подбородок неудержимо зачесался. – А скажите, отчего вдруг в десять вечера все на улице оказались? Игоря Владимировича ждали?

– Так ведь салют же запускали, – удивленно вытаращил на него глаза Николай Федорович, – все четко, как оговорено, ровно в десять. Хороший салют был.

– Фейерверк, – поправила мужа Мария Геннадиевна, – так себе, на мой взгляд. В том году было гораздо интереснее. У нас через участок председатель областного суда живет, Ляхницкий, так вот ему на юбилей фейерверк просто шикарный устроили.

– И сколько по времени длился этот фейерверк?

– В этом году или в том?

– В этом, – кивнул Лунин.

– Минут семь-восемь, – неуверенно отозвалась Красильникова, – может, даже чуть больше. Но все равно у Ляхницкого раза в два дольше все было.

– И вы уверены, что все эти восемь минут, или даже дольше, все родственники Игоря Владимировича так и находились во дворе?

– Ну вы скажете, – энергично замотал головой из стороны в сторону Николай Федорович, – мы ж по сторонам в это время не смотрели. Я как голову задрал, так, значит, и стоял все время, аж шея потом затекла.

– А собаки?

– Что – собаки? – переспросил Николай Федорович. – Может, и они салют смотрели, это у них надо спрашивать.

– Они в это время в вольере были заперты? – уточнил вопрос Лунин.

– Да с чего же? По двору они носились. Мы их запираем, только когда чужие приходят, уж больно нервно они на чужих реагируют, только и следы, чтоб не цапнули. Вот когда музыканты приезжали да эти, ресторанные, вот тогда мы их запирали, конечно. А так они все время бегают, охраняют.

– Ясно, – поднялся из-за стола Лунин. – Скажите, вот если бы вы это дело сами расследовали, то в первую очередь на кого подумали?

– Володька это, старший, – убежденно произнесла Мария Геннадиевна, прежде чем ее супруг успел открыть рот, – мне кажется, ему человека пришибить ничего не стоит. Да и из всех он самый гневливый.

– Не скажи, – наконец собрался с мыслями Николай Федорович. – А Наташкин муж? Я его как первый раз увидел три года назад, так он мне сразу не понравился. С гнильцой человек, только хитрый больно. Так что, в чем гниль его, не скажу, но что с гнильцой, это я точно чую. А уж Игорь Владимирович и подавно, у него на людей чутье всяко получше моего было. Он же не просто так с ним в этот приезд даже словом не перемолвился.

– Спасибо, – кивнул Лунин и, желая сделать супругам приятное, соврал: – Вы мне очень помогли.

Выйдя из домика Красильниковых, решительным шагом Илья направился в сторону главного здания. Миновав усыпанные красными гроздьями заросли калины, Лунин замедлил шаг, а затем и вовсе в нерешительности остановился. Неожиданно в голову ему пришла мысль, что стройная фигура в белом купальнике, по-прежнему в одиночестве лежащая на одном из многочисленных шезлонгов, в настоящей момент является самым подходящим объектом для вопроса. В пользу этой мысли было несколько весомых факторов. Во-первых, она была в поле зрения и, как показалось Илье, тоже обратила на него внимание, а значит, визуальный контакт уже установлен; во-вторых, женщина была у бассейна одна, из этого следовало, что откровенному разговору помешать никто не сможет. Третьим, но, возможно, самым весомым обстоятельством был отдельный купальник, две белоснежные полоски которого ярко выделялись на фоне безупречно загорелой кожи.

– Лунин Илья Олегович, следовательно, – продемонстрировал удостоверение Лунин, пытаясь разглядеть глаза женщины сквозь темные дымчатые стекла очков в широкой оправе.

– А мне и показать-то вам нечего. – Лежащая на шезлонге женщина непринужденно потянулась, и Лунин с трудом смог отвести взгляд в сторону от ее туго обтянутой тонкой тканью груди.

– Ничего, – пробормотал Илья, усаживаясь на соседний шезлонг, – я и так увидел больше, чем мог рассчитывать.

– Как я понимаю, – Яна стремительно села, оказавшись с Луниным лицом к лицу, – увиденное не очень соответствует вашим ожиданиям? Убитая горем, заплаканная вдова, укутанная в черный платок. Это вас бы устроило больше?

– Ну почему, – вздохнул не ожидавший такой агрессии Лунин, – мне очень нравятся открытые купальники. А что, горем вы совсем не убиты?

– Ну почему, – передразнила его собеседница, – но я не хочу доставлять удовольствие своим деткам. Их, знаете ли, мои слезы очень порадуют.

– Вряд ли кто-то из присутствующих в доме зовет вас мамой.

– Вряд ли. – Яна кивнула и набросила на загорелые плечи полотенце.

– Судя по всему, симпатии обеих сторон взаимны.

– Вы почти правы. Ошибка в том, что сторон гораздо больше, и каждая из них, мягко говоря, недолюбливает все остальные.

– И в чем же причина?

Прежде чем ответить, Яна сняла очки, и Лунин заморгал от неожиданности. Он еще ни разу не встречал человека с настолько яркими голубыми глазами.

– Это называется борьба за место под солнцем. Каждый полагает, что кому-то другому тепла достается чуть больше, чем требуется, и уж, во всяком случае, больше, чем ему самому.

– А что, тепла действительно не хватало?

Яна пожала плечами:

– Я думаю, его просто было мало. Одинаково мало для всех.

– Поэтому в конце концов кто-то обратил свой гнев именно на источник этого тепла. Я правильно понимаю?

– Вот что значит разговаривать со следователем. – Яна усмехнулась и вновь улеглась на шезлонг, вытянув длинные, явно регулярно посещающие фитнес, ноги. – О чем бы ни шла беседа, а приходит она к покойнику.

– Это представляется весьма логичным, – с трудом оторвавшись от созерцания лежащих перед ним ног, Лунин перевел взгляд в сторону бассейна, – с учетом того, что следователь ведет беседу с убитой горем вдовой на следующий день после убийства, да еще и рядом с домом, в котором совершено преступление.

– Может быть, вы и правы. – Яна равнодушно пожала плечами.

– Я правильно понимаю, что в момент совершения преступления вы были во дворе вместе со всеми?

– Правильно, – коротко согласилась вдова.

– Скажите, а почему вы не позвали мужа посмотреть салют?

– Фейерверк? В отличие от нас от всех он не любитель шумных мероприятий, он даже музыку слушает только классическую. – Вновь скрыв глаза за стеклами темных очков, Яна еле слышно прошептала: – Слушал.

– А кто первым обнаружил Игоря Владимировича после того, – заметив, как Яна нервно покусывает нижнюю губу, Лунин решил немного смягчить терминологию, – после того, как все случилось.

– Все случилось, – пробормотала Фильченко, – выражение-то какое! Ведь и правда в жизни Игоря уже все случилось. Все остальное, те же похороны или это ваше дурацкое расследование, будет, даже если с его участием, но уже не в его жизни.

– Почему же дурацкое? – обиделся Илья.

– Нашел его Володя, – Яна проигнорировала обиду Лунина, – точнее, Володя и Наташа, они вместе зашли в кабинет Игоря. Мы все ждали, что Игорь выйдет сразу после того, как вся эта канонада утихнет, но он не появлялся, вот они и решили подняться наверх.

– А они не могли, – Илья на мгновение замешкался, – вместе...

– Нет, – перебила его Яна. – Вместе они не могли. Они и наверх-то пошли, будет правильнее сказать, не вместе, а одновременно. Чтобы никто случайно ближе к теплу не оказался. Да и потом, когда они еще только поднимались по лестнице, я уже зашла в гостиную. Прошла буквально секунда, а затем раздался такой истошный вопль, что я даже вначале не поняла, что это кричит Наташка. Я сразу побежала наверх, точнее, побежали мы все, в дом как раз вошли Егор и Оксана. Лестница у нас достаточно широкая, так что к двери кабинета мы подбежали почти одновременно. Наташка сидела на полу, закрыв лицо руками, и мотала головой. Туда-сюда, туда-сюда. Без остановки. Когда я зашла в кабинет, вначале увидела только Володину спину. Он сидел на корточках, замерев, словно к чему-то прислушивался, потом поднялся и сделал шаг в мою сторону. Я хотела подойти ближе, но Володя схватил меня и стал говорить, что здесь произошло убийство, что подходить ближе нельзя, что мы можем затоптать какие-то следы. Наверное, он говорил все правильно, только я никак не могла понять, почему я не могу подойти к своему мужу, которому плохо, который лежит на полу, в луже крови и ждет, когда я приду к нему и помогу, вытру эту кровь, забинтую голову, посажу в кресло.

Лицо Яны, наполовину укрытое под темными стеклами, казалось по-прежнему невозмутимым, эмоции выдавал только начавший дрожать голос.

– Володя схватил меня за руку, и тогда я его ударила по лицу. Не так, как обычно показывают, как бьют женщины. Кулаком. Так что вы, когда его увидите, лучше не спрашивайте, кто ему глаз подбил.

– И что потом? – не захотел уходить от основной темы Лунин.

– А что потом? Потом Володя назвал меня дурой, вытащил за дверь и выгнал всех остальных. Вызвали полицию, и так толпой сидели под дверью, пока полицейские не приехали.

– Насколько я знаю, камеры наблюдения в доме были выключены. Скажите, Яна, – Лунин впервые назвал свою собеседницу по имени, – кто имел доступ к управлению камерами?

Фильченко немного помедлила с ответом.

– Знаете, сейчас мне уже кажется, что все имели. Сервер установлен на первом этаже, в гардеробе.

– В гардеробе? – удивился Илья.

– Мы так называем комнату для сезонной одежды. Сервер стоит в отдельном шкафу, внешне ничем не отличающемся от всех остальных.

– И что, он не запирается?

– Запирается, но там замок напоминает тот, что стоит у меня в шкафчике в фитнес-клубе.

– И что там, плохие шкафчики? – заинтересовался Лунин, вспомнив про подаренный ему абонемент.

– Обыкновенные, – пожала плечами Яна, – вот только один раз я ухитрилась потерять ключ. Пришел мастер и открыл замок обычной отверткой. Мне кажется, что с сервером примерно та же история. Ну а про то, где он находится, это и так всем известно, большого секрета не было.

– Тогда еще вопрос: кто, по-вашему, из присутствующих в доме мог желать смерти вашему супругу?

– Все, – коротко бросила в ответ Фильченко. – У него был очень тяжелый характер. Очень. Я сама порой горела желанием огреть его по башке чем-нибудь тяжелым, когда он начал свои бесконечные нравоучения.

– Даже так? – хмыкнул Лунин, глядя на сильные, тренированные руки лежащей на шезлонге женщины.

– Даже. Но только не в тот день, не в те два дня, если быть точнее.

– И чем же эти дни были уникальны?

– Разве вы не понимаете? – Приподнявшись на локтях, она повернула голову так, что Илья мог любоваться сразу двумя собственными отражениями в темных стеклах ее очков.

Немного подумав, Илья отрицательно покачал головой.

– Это же очевидно. Приехали дети, – она саркастично усмехнулась, – все его дети. И в эти дни он из кожи вон лез, чтобы показать, как у нас с ним все замечательно и как сильно он меня любит.

– А на самом деле?

– На самом деле у нас все, как у любой пары, прожившей десять лет вместе. Мы знаем друг о друге гораздо больше, чем десять лет назад. Возможно, больше, чем хотелось бы. Как написано в одной умной книге: «Во многих знаниях многие печали».

– И все же, если исходить из того, что преступление совершил кто-то из смотревших фейерверк, кого бы вы назвали? Можно без объяснений, наугад.

Яна долго молчала. Потеряв всякую надежду получить от нее ответ, Лунин встал, намереваясь направиться к дому.

– Игорь мог любого довести до белого каления, так что сцепиться с ним мог кто угодно. – Яна вновь сняла очки, и Лунина вновь представилась возможность полюбоваться необычным цветом ее глаз. – Другое дело, что настоящих ссор, так, чтобы с шумом, криками, в тот вечер и не было. Значит, кто-то вспомнил старые обиды. Самой памятной из нас из всех всегда была Ксюша. Но я не хотела бы плодить домыслы, мне кажется, это не совсем корректно. Думаю, вы и сами можете расспросить ее об отношениях с отцом.

– Я понял, – кивнул Илья, затем, немного поколебавшись, добавил: – Правда, не все. Скажите, если годовщину свадьбы вы отмечали позавчера, то почему фейерверк был на день позже?

– С чего вы взяли, что фейерверк был у нас? – Яна удивленно приподняла брови. – Мы сами никогда не устраиваем. У Игоря был обостренный слух, чересчур обостренный, он даже по этому поводу консультировался с врачами, правда, безрезультатно. Любые слишком громкие звуки причиняли ему буквально физическую боль. Так что если кто-то из соседей устраивал канонаду, Игорь всегда уходил в свой кабинет, у него там хорошая звукоизоляция.

– Странно, – нахмурился Лунин, – ваши работники сказали мне, что фейерверк был запланирован на десять вечера и начался точно по графику.

– Так и есть, запланирован, только не нами, соседом. – Яна махнула рукой в сторону кирпичного забора. – У нас в поселке есть своя группа в вайбере. Когда кто-то устраивает шумные вечеринки, а тем более какие-то представления, принято предупреждать всех заранее. Во-первых, это вежливо, а во-вторых, вдруг кто-то захочет выйти и посмотреть. У нас здесь обычно неплохие салюты устраивают, не хуже, чем на день города.

– Не сомневаюсь, – вздохнул Илья и, на всякий случай, добавил: – Вы мне очень помогли.

Проходя мимо бассейна, Лунин не удержался и, наклонившись, коснулся воды рукой. Хотя день был солнечным, вода показалась ему достаточно прохладной. Сделав еще несколько шагов в сторону дома, Илья услышал у себя за спиной громкий плеск. Обернувшись, он увидел, что на шезлонге никого нет. Плывущую под водой Яну с такого расстояния ему видно не было. Конечно, можно было немного постоять и дожидаться того момента, когда она вынырнет: наверняка она очень эффектно выглядела с мокрыми волосами и в мокром купальнике. Покрепче прижав к себе папку с бланками протоколов допросов, Илья зашагал по каменным плитам садовой дорожки.

Глава 4, очень длинная, в которой Лунин наконец понимает, какой должна быть настоящая дружная семья

Поднявшись по ступеням крыльца и потянув на себя входную дверь, Лунин нос к носу столкнулся с уже знакомым ему любителем кофе.

– Очень хорошо, что вы здесь. – Илья преградил путь сержанту. – Соберите всех, кто есть в доме, в гостиной.

– А... – хотел было что-то ответить полицейский.

– А остальных не надо, с ними я уже поговорил, – опередил его Лунин. – Зовите, а я подожду их внизу.

Молча кивнув, сержант развернулся и, с удивившей Лунина поспешностью, скрылся в глубине дома. Последовав за ним, Илья оказался в просторном холле и огляделся по сторонам. Прямо перед ним, поблескивая стеклом и нержавеющей сталью, уходила вверх причудливая лестница, на первый, наверняка обманчивый, взгляд казавшаяся чересчур хрупкой и ненадежной; справа сквозь широкий проем виднелась часть гостиной; слева же в стене темнели три стеклянных прямоугольника закрытых дверей. Открыв первую из них, Лунин заглянул в помещение не очень большое, но вполне комфортное для того, чтобы, придя в дом, скинуть с себя верхнюю одежду или грязную обувь. Вторая комната, значительно просторнее, очевидно, и была тем самым гардеробом, о котором говорила Яна. Вдоль всех четырех стен тянулись к потолку дверцы высоких шкафов, большая часть из которых были зеркальными, что позволяло, выбирая наряд, видеть себя одновременно со всех сторон. За какой из дверей скрывался кем-то выключенный сервер, Лунин узнать не успел. Послышался топот нескольких быстро спускающихся по лестнице человек и громкие, о чем-то спорящие голоса. Быстро вернувшись в холл, Илья смог убедиться, что полупрозрачная лестница достаточно надежна, во всяком случае, она без каких-либо заметных усилий выдерживала вес четырех спускающихся по ней мужчин и двух женщин. Увидев Лунина, мужчина, шедший первым, ускорился и, сбежав по стеклянным ступеням, доложил:

– Всех собрал, привел.

Илья взглянул на родственников убитого Фильченко. Они все отчего-то остановились прямо на лестнице и теперь молча разглядывали следователя, глядя на него сверху вниз.

– Мне кажется, если вы спуститесь, нам всем будет удобнее, – предложил Лунин и первым направился в сторону гостиной.

Войдя в просторную, на взгляд Ильи, просто огромную комнату со вторым светом, он с любопытством оглядел лежащую на полу шкуру белого медведя и поспешил занять просторное кожаное кресло, стоящее в углу гостиной, недалеко от камина, больше напоминающего зависшую в воздухе летающую тарелку, чем источник тепла. Илья, не зная, чем занять время, пока члены семейства Фильченко рассаживаются по комнате, привычно уткнулся носом в папку с бумагами, делая вид, что изучает документы. На самом деле он украдкой подглядывал за родственниками убитого, пытаясь понять, в каких отношениях друг с другом они находятся. Ни к какому выводу он прийти не смог, каждый из вошедших в комнату расположился отдельно от остальных. Оксана заняла такое, как у Лунина, кресло, стоящее с другой стороны от поблескивающего нержавеющей сталью камина. Егор плюхнулся на огромный бесформенный мешок, набитый чем-то шуршащим и обтянутый тканью, испещренной изображениями английского флага. Владимир остался стоять, скрестив на груди руки и прислонившись широким плечом к мощной каменной колонне, уходящей на несколько метров вверх, прямо под крышу здания. Исключение из всеобщей любви к одиночеству составили лишь двое – младшая дочь Игоря

Владимировича Наташа и ее муж Андрей. При этом Илье показалось, что и супруги не очень стремятся к максимальной близости. Во всяком случае, они уселись с противоположных концов огромного дивана, так что между ними могли запросто уместиться все остальные члены мрачно взирающего на Лунина семейства.

Разглядывая собравшихся в комнате людей, Лунин подумал о том, что гены отца совсем не сказались на внешности его потомков. Во всяком случае, никто из детей Игоря Владимировича на него похож не был. Трудно было предположить, как выглядела первая жена покойного Фильченко, но, очевидно, двое старших детей пошли именно в нее. Ширококостные, с тяжелыми, несколько грубоватыми чертами лица, широкими густыми бровями, из-под которых на Лунина мрачно смотрели черные, пристально следящие за каждым его движением, глаза. Младшие дети убитого были полной противоположностью старшим. Худощавые, с тонкими запястьями и длинными нервными пальцами, которые то замирали на несколько мгновений на коленях, то начинали беззвучно наигрывать непонятную Лунину мелодию, один за другим приподнимаясь, а затем падая вниз и нанося удар по несуществующим клавишам. Голова Наташи, несмотря на ее худобу, показалась Лунину непропорционально маленькой. На узком бледном лице выделялись губы, накрашенные, по мнению Ильи, чересчур яркой помадой, и нос, слишком крупный для женщины, особенно столь тщедушной. В целом Наташа напоминала курицу, но не ту упитанную несущку, которая неторопливо разгуливает по деревенскому двору, а то бледное, бездыханное и уже общипанное создание, которое остается только разделать, расфасовать в подложки и пометить этикетками: грудка куриная с кожей, окорочка, бедрышки. Хотя, какие уж там грудки и окорочка? Илья вздохнул, отводя взгляд в сторону, – суповой набор разве что.

Егор напоминал точно такую же курицу, только уже полысевшую и чуть крупнее в размерах. Младший сын Фильченко сидел неподвижно, уставившись куда-то за спину Илье, отчего Лунину хотелось обернуться и посмотреть, что же там, у него за спиной, может скрываться.

– Ну, я пойду? – осведомился у Лунина сержант.

Илья коротко кивнул и, отложив ненужную ему папку на стоящий рядом с креслом столик, как и лестница, поблескивающий стеклом и сталью, оглядел присутствующих.

– Спасибо, что все так быстро собрались. – Лунин подумал, что, возможно, проявленная им вежливость хоть немного расположит к нему находящихся в комнате людей.

– Не все, – резкий, недовольный голос принадлежал Оксане, – вы забыли послать за Яной. Если не ошибаюсь, она лежит во дворе попой кверху. В шезлонге, у бассейна.

– Я ее уже видел, – благодушно отозвался Илья и на всякий случай уточнил: – Яну. Так что в ее присутствии сейчас нет никакой необходимости.

– Вот сучка, и здесь первая проскочила, – недовольно повел плечами Владимир.

– Вы не правы, – Лунин постарался ответить как можно мягче, хотя его и покоробил тон старшего сына Фильченко, – первыми, с кем я побеседовал, были Красильниковы. Да и вообще, мы собрались здесь все вместе совсем не надолго. Только для того, чтобы я мог сразу всем представиться. Лунин Илья Олегович, следовательно. Буду вести, точнее, уже веду дело об убийстве Игоря Владимировича. Скажу вам честно, – Илья задумчиво потер левую бровь, словно сомневаясь в том, что сейчас подходящее время для честности, – у меня жутко болит голова. Дело в том, что вчера у меня был день рождения.

– Искренне поздравляем, – саркастически прокомментировала Наташа.

– Спасибо, – кивнул ей Илья. – Так вот, мне кажется, что после всего произошедшего вчера и вы все не так уж хорошо себя чувствуете.

Дружное молчание было ему ответом.

– Поэтому я был бы очень признателен, если один из присутствующих, или не один, – поправился Лунин, – прямо сейчас признается в убийстве Игоря Владимировича. Это сэко-

номит всем нам время. Ну и опять же, явка с повинной учитывается судом при вынесении приговора.

– Это вы сейчас так шутите? – задал вопрос до этого молчавший Андрей.

– Все нет, – покачал головой Лунин. – А что, разве вы сами не считаете, что убийца Игоря Владимировича сейчас находится если уж не в этой комнате, то, во всяком случае, на территории усадьбы?

Потерев еще раз бровь, теперь правую, Илья повернул голову к Оксане.

– Усадьба – это ведь подходящее слово? Еще, кажется, бывает поместье, но я не уверен, что в данном случае это слово будет уместно.

Старшая дочь Фильченко в ответ лишь фыркнула и демонстративно отвернула голову.

– Вот именно, на территории! – выкрикнула Наташа. – Это как раз та самая попа, которую вы успели опросить. Теперь только осталось надеть на нее наручники и отправить, куда там у вас отправляют.

– По этапу, – усмехнулся Владимир. – Натусик, мы ведь Яночку все здесь обожаем, но это не значит, что надо торопиться делать выводы или торопить, – он перевел взгляд на Лунина, – господина следователя. Мне кажется, мотивы могли быть не только у нее.

– Может быть, ты тогда начнешь с себя, – тут же вспыхнул в ответ Егор, – со своих мотивов?

– Я сейчас с тебя начну. – Владимир оттолкнулся от колонны и стиснул массивные кулаки.

– На этом общую часть собрания будем считать закрытой. – Илья запоздало подумал, что надо было не отпускать сержанта. – Сейчас я побеседую с каждым из вас в отдельности, и вам предоставится возможность высказать любые свои соображения. Здесь есть какое-нибудь помещение поменьше размером?

– Пойдемте, – вскочил на ноги все еще кипящий от возмущения Егор, – здесь на первом этаже есть рабочий кабинет. Там удобно общаться тет-а-тет.

– Кабинет? – удивился Лунин, выбираясь из кресла. – Я думал, кабинет находится на втором этаже, там, где произошло преступление.

– Наверху кабинет отца, а здесь внизу рабочий, – не очень понятно объяснил Егор, открывая дверь из матового непрозрачного стекла.

«Слишком много стекла», – неодобрительно подумал Илья, проходя в комнату вслед за Егором. Каплевидной формы стеклянный стол занимал добрую треть небольшого помещения, к стенам которого хромированными держателями были закреплены такие же, из темного, дымчатого стекла, полки. К счастью Лунина, кресла оказались самыми обыкновенными. Точнее, это были очень хорошие кресла, обтянутые светлой, молочного оттенка кожей, с множеством рычажков, позволяющих привести спинку, сиденье и подлокотники в самое удобное положение. Обыкновенность их заключалась лишь в том, что они были сделаны не из стекла.

– Я думаю, вам удобно будет расположиться за столом, – молодой человек сделал приглашающее движение рукой, – соответственно, все остальные будут по очереди занимать кресло для посетителей.

– Логично, – согласился Лунин и, осторожно обогнув стеклянную каплю, устроился за письменным столом. – Не разбить бы здесь ничего.

– Не бойтесь, стекло каленое, – усмехнулся Егор. – Мне кажется, такая реакция у всех, кто в этот дом первый раз попадает. Отцу так нравилось делать все из стекла, что его в доме явный переизбыток. Это у него с давних лет. Я помню, еще был маленьким, он тогда работал главным инженером на стекольном заводе. Так вот он домой регулярно какие-нибудь безделушки из стекла приносил. Потом, когда появились другие возможности, стали появляться безделушки покрупнее. – Егор хлопнул рукой по темному стеклу столешницы. – Удивительно, как он весь дом из стекла не отстроил.

– Интересно, ваш отец работал на стекольном заводе, а в итоге начал курировать строительство дорог в области. Несколько странно, вам не кажется?

– Неисповедимы пути карьерного роста, – добродушно улыбнулся в ответ Егор, – вот я недавно в новостях видел, бывшего начальника отдела полиции назначили директором городского рынка. Вот это странно!

Или он в полиции тоже чем-то приторговывал, опыта набирался?

Лунин многозначительно вздохнул, как предпочитал делать всегда в тех случаях, когда ответа на вопрос у него не находилось.

– А отец, с ним как раз все просто, – продолжил между тем Егор, – после того как он главным инженером несколько лет отработал, его повысили, поставили директором на том же заводе. Так что он и по финансовой части опыта поднабрался. А дороги строить ведь дело нехитрое, там всего две вещи надо контролировать: чтобы технологию более-менее соблюдали и чтоб воровали поменьше.

– Поменьше? – Лунин удивленно нахмурился.

– Поменьше, – все с той же добродушной улыбкой объяснил Егор. – Совсем ведь не воровать у нас не могут, так что у каждой должности есть свой предел, внутри которого он может отщипнуть кусочек. Если каждый через свой предел не перешагнет, то все будет нормально. И объект сдадут, и люди довольны останутся.

– Интересная логика. И какой же предел был у Игоря Владимировича?

– Может, какой-то и был, – равнодушно пожал плечами Егор, – только это вам не у меня спрашивать надо.

– А у кого же? – заинтересовался Лунин.

– Не знаю, может, у Сергиевича. Все же отец у него заместителем работал. Хотя, мне кажется, отец за вечер в пул больше денег делал, чем на службе за год.

– Во что? – не сразу понял смысл сказанных слов Илья.

– В пул, в бильярд. Вы про «Ветеранскую лигу» слышали?

Лунин отрицательно покачал головой.

– Я ее зову «Лига выдающихся джентльменов». Там на самом деле никакими ветеранами и не пахнет. Это такой закрытый клуб, в нем все старички, любители бильярда, собраны. Ну как все, все, кто достоин, а достоин тот, кто может оплатить членский взнос.

– А что, большой взнос?

– Приличный, – кивнул Егор, – я точно сумму не знаю, но, можете поверить, очень дорого.

– Я верю, – кивнул Лунин.

– Так вот, – продолжил молодой человек, – старички там не только из России и даже не столько из России. Там почти со всего мира компания собралась, причем следят очень строго, чтобы к ним какой-нибудь профессиональный игрок не затесался. То есть только любители, но при очень больших деньгах. Хотя, скажу я вам, там такие любители, что и не каждый профессионал с ними дело иметь захочет. А отец как раз и был одним из таких любителей. Вы его кабинет уже осмотрели?

– Я пока до второго этажа не добрался еще, – признался Лунин.

– Ну вот посмотрите, все поймете.

– А еще кто-то в семье разделял увлечение вашего отца бильярдом?

– Как сказать. – Егор на мгновение задумался. – Играть он нас всех в детстве научил, можно сказать, неплохо, но особого пристрастия к бильярду ни у кого в семье нет. Андрей разве что, Наташин муж. Я помню, в свое время они с отцом чуть ли не сдружились на этой почве совместной любви к бильярду. Даже играли друг против друга, по маленькой, конечно.

– На деньги? – уточнил Лунин.

– Ну а как же? – удивился Егор. – Бильярд – это же не шахматы. Здесь в игре обязательно смысл должен иметься.

Илья ненадолго задумался, а затем наконец раскрыл лежащую на столе без дела папку и сделал короткую запись на бланке протокола допроса.

– Мне показалось или у вас с братом напряженные отношения? – Лунин закончил писать и положил ручку на стол.

– Напряженные отношения у нас были лет пять назад. А сейчас их просто нет. Никаких.

– А если немного подробнее?

– А если подробнее, – нервным движением Егор закинул ногу на ногу, – пять лет назад, после окончания института, я пришел к Володе попросить у него денег взаймы. У меня была идея, во что можно вложиться, и был компаньон, вместе с которым мы собирались работать вместе. Вот только он свою долю уже внес, а мне, чтобы достать денег, надо было идти просить либо у отца, либо у брата.

– Вы выбрали брата.

– Именно, – грустно усмехнулся Егор. – Казалось, так будет проще. Поначалу, в принципе, все и было неплохо. Он меня выслушал, сказал, что идея хорошая и он готов одолжить мне денег. Сумма была довольно приличная, и мы оформили договор займа, по которому я обещал вернуть долг через год.

– Так быстро?

– Я и не собирался. Володя сказал, что это формальность, и через год я напишу ему новую расписку еще на год. Года за три я планировал с ним полностью рассчитаться.

– Но что-то пошло не так.

– Что-то пошло не так, только не у меня, а у этого уродца. – Егор с шумом выдохнул воздух, пытаясь взять себя в руки. – Ровно через год он заявил мне, что его планы изменились и деньги нужны ему немедленно, а иначе он обратится в суд.

– На родного брата?

– А что вы хотели? Володька, он весь в отца. А тот считал, что в денежных вопросах нет родственников, есть должники и есть кредиторы.

– И чем же все закончилось?

– Ничем хорошим, – мрачно отозвался Егор, – перезанять я нигде не смог, и, чтобы отдать деньги, мне пришлось продать долю в предприятии партнеру. Тот с радостью ее выкупил. А еще через год наши идеи, – он с силой ударил ладонью по столу, отчего толстое стекло недовольно загудело, – мои идеи нашли потребителя, и предприятие стало расти. Вы понимаете, какие возможности я упустил?

– Почему же вы не обратились к отцу?

Егор еще больше помрачнел.

– Раньше надо было, когда первый раз деньги понадобились, а потом уже не мог. Поругались мы с ним, причем намертво поцапались. Два года потом вообще не разговаривали.

Опершись локтем о стекло, Илья подпер ладонью щеку, всем видом изображая из себя заинтересованного слушателя.

– Я тогда только с Ульяной, женой моей, встречаться начал, точнее, мы уже съехались. Квартиру снимали в старом городе, на набережной. И вот как-то раз к нам отец заявился без предупреждения, а мы каких-то приятелей ждали, так что Улька, не глядя, дверь и распахнула.

– И что же, – попытался предположить Лунин, – она разбила вашему отцу дверью лицо?

– Примерно, – хмыкнул Егор, не глядя на собеседника, – она же как была с папироской в зубах, так и вышла.

– Игорь Владимирович так плохо относился к курящим женщинам?

Егор безрадостно ухмыльнулся.

– Особенно если женщины покуривают травку. Что вы так смотрите? Хотите сказать, что сами по молодости не пробовали?

– Я больше по коньяку, – уклонился от прямого ответа Лунин.

– Да мы все больше по коньяку, – махнул рукой Егор, – Улька она и не пьет почти. А это же так было, баловство. Один раз дуркануть решили, а тут папаша появился.

– Это лучше, чем если бы пришел участковый.

– Не скажите, – Егор задумчиво покачал головой, – думаю, с участковым вопрос удалось бы решить дешевле. Я же говорю, отец два года делал вид, что нас не существует, даже на свадьбу и то не пришел. Вы представляете, какой позор? При живом отце и без отца свадьба. Я после этого уже и сам с ним мириться расхотел. Думаю, ну ладно, раз он меня вычеркнул, так и я его вычеркну то же.

– Судя по тому, что вы здесь, – заключил Илья, – примирение все же состоялось.

– Ну так это, когда Алеська родилась, папаша так обрадовался, что у него теперь внучка есть, что решил заодно и нас вместе с ней в комплекте принять. Мы хотели было сначала его помуржичить несколько месяцев, а потом, знаете, как-то рукой махнули. Когда у тебя на руках лежит такой комочек маленький и глазами хлопает, ты и сам тоже глазами хлопать начинаешь и ни на что другое уже не способен.

Егор тяжело вздохнул и взглянул на Лунина.

– Что-то я совсем в воспоминаниях закопался. Вам ведь наверняка не это интересно, вы думаете, кто из нас из всех мог убить отца?

– И кто же? – Илья не стал спорить с постановкой вопроса.

– Не знаю. – Лицо Егора приняло сосредоточенный вид, он словно пытался подобрать нужные слова для ответа. – Честно, не знаю. И хотелось бы ткнуть в кого-то пальцем, сказать – вот он, хватайте, но не могу.

– Вы уверены, что это он?

– Вот именно, я даже в этом не уверен, – пробормотал Егор. – Я думаю, вы уже поняли. Яну мы все здесь терпеть не можем, но не могу представить, зачем ей это могло быть нужно. Отец ни в чем ее не ограничивал. Ни в деньгах, ни в желаниях. Она же как жила? Пару недель здесь побудет, затем на недельку в Европу, еще пару недель с отцом, потом на Бали или Пхукет. Там она могла недели три проторчать. У отца-то рабочий график достаточно напряженный был, плюс ко всему он часто играл, так что вдвоем они отдыхали от силы пару недель в году. Единственное, если он играл где-то в Европе, тогда они летали вместе.

– Вы неплохо осведомлены.

– Все же, в отличие от остальных, я живу здесь, в Среднегорске, так что и у отца бывал гораздо чаще.

– Ну хорошо, – на этот раз, несмотря на достаточно долгий разговор, Илья не стал уверять собеседника, что тот ему очень помог, – не буду вас больше задерживать. Если вас не затруднит, попросите следующим зайти вашего брата.

– Непременно, – усмехнулся Егор, поднимаясь из кресла, – хотелось бы послушать, что он вам наговорит.

Лунин кивнул на прощанье младшему сыну покойного вице-губернатора.

– Скажите, – последний вопрос Лунин задал в то мгновение, когда Егор уже приоткрыл дверь, собираясь выйти из комнаты, – когда я предположил, что убийцей может быть не только мужчина, вы заговорили именно о Яне. Вы думаете, что другие женщины к убийству причастны быть не могут?

Егор на мгновение замер, затем потянул на себя ручку, вновь закрывая дверь, чтобы его голос не был слышен в гостиной.

– Ну почему же? Могут, еще как могут. Причем с равной степенью вероятности любая из трех.

Дверь хлопнула, и на некоторое время Илья остался в кабинете один.

– Вообще-то их у нас четверо, – пробормотал Лунин, решив про себя, что, скорее всего, Егор упустил из вида существование Марии Геннадиевны.

– Ну и что он вам тут про меня наплел?

Массивная фигура Владимира на мгновение застыла в дверном проеме. Затем, с силой захлопнув за собой дверь, старший сын Фильченко в два широких шага преодолел расстояние, отделяющее его от стола, и склонился над Луниным.

– Да вы присаживайтесь, – удивленно заморгал в ответ Илья. – Понимаете, в чем дело, поскольку убили не вас, то и вопросы я задавал, большей частью касающиеся Игоря Владимировича. Вот в другой раз, если, конечно, это случится, я непременно более подробно остановлюсь на вашей персоне.

– Шутите? – Левая щека Фильченко нервно дернулась, затем с полусекундным опозданием это же движение повторила и правая.

– Ну почему же? – еще больше удивился Лунин, разглядывая небольшой, но все же достаточно заметный синяк под левым глазом своего нового собеседника. – Вот вы детективы читаете? Там так очень часто бывает, что убивают сперва одного члена семьи, потом другого, и так последовательно, пока всех не перебьют.

– Значит, шутите, – мрачно кивнул Владимир и, последовав совету Лунина, опустил в кресло. – Ну а что, кому беда, кому новые звездочки на погоны.

Илья не успел сообразить, какое отношение имеет его новое звание к произошедшему в доме Фильченко преступлению, когда его собеседник продолжил:

– Небось, если убийцу найдете, вам сразу полкана дадут.

– Не думаю, – с сомнением покачал головой Лунин, пытаясь вспомнить, были ли в истории следственного комитета случаи, когда сотрудник получал два новых звания в течение одного года, – у нас не любят досрочно присваивать.

– Странно, – раскатисто протянул Фильченко, – удобная ведь штука, накинул звезду на погон, и все. Вроде как и поощрил, а вроде и тратиться не пришлось.

– За звание еще доплата полагается. – Илья подумал, что если бы его после каждого раскрытого дела продвигали по службе, он бы уже давно стал генерал-полковником, а то и маршалом, хотя, кажется, звание маршала для работников следственных органов не предусмотрено. – Давайте все же поговорим о том, что произошло в этом доме.

– А давайте, – с какой-то отчаянной, злой веселостью отозвался Владимир. – Только что тут сказать можно? Убили отца. Знал бы кто, уже бы своими руками придушил.

Выставив перед собой руки, Фильченко продемонстрировал, как он расправился бы с преступником. Уважительно взглянув на его мощные кулаки, Лунин одобрительно кивнул, давая понять, что разделяет эмоции собеседника.

– Может быть, тогда вы постараетесь вспомнить вчерашний день? Никто из приехавших на торжество с вашим отцом, случайно, не ссорился?

– Случайно, – фыркнул Владимир, – с отцом можно было случайно только не поссориться, а вот ссорились все с ним исключительно по желанию, причем исключительно по его желанию. И вообще, почему вы говорите только о приехавших? Тут и так в доме куча народу толчется.

– Это вы о ком? – уточнил Илья.

– Ну как же? Во-первых, обожаемая всеми нами супруга нашего папочки, хотя, если честно, не пойму, какая ей из этого всего может быть выгода. Она и так всем распоряжалась, а теперь, как ни крути, наследством придется поделиться. Да и дом, – на лице мужчины появилась едва заметная улыбка, – папашка обещал мне отписать, узнать бы только, у какого нотариуса его завещание искать.

– Дом? – задумчиво переспросил Лунин, открывая папку с бумагами. – Странно, очень странно.

– Что именно? – нахмурился Владимир.

– Ну как что, вчера сюда выезжал дежурный следователь. Как и положено, если преступление происходит в каком-то здании или помещении, необходимо установить собственника. Яна Григорьевна предъявила документ, из которого следует, что владелицей жилого дома и земельного участка является именно она. У меня есть копия выписки из государственного реестра.

– Вот паскуда! – эмоционально выругался Фильченко. Бросив короткий взгляд на документ в руках Лунина, он тут же отвернулся, а затем и вовсе устался куда-то в пол. Его широкие плечи бессильно обвисли, и сам он весь словно уменьшился в размерах, в одно мгновение утратив половину тех сил, которыми щедро наделила его природа.

– А вы, значит, полагали, что дом вам достанется? – Илья решил нарушить затянувшееся молчание.

– Полагал, – все так же, не отрывая взгляда от пола, отозвался Владимир. – Я думал, конечно, что с Янкой как-то договариваться придется, она ведь здесь прописана, но что все так повернется... – Он с отчаянием махнул рукой. – А ведь это я этот дом придумал. Я же архитектор, у меня свое архитектурное бюро, совсем маленькое, конечно, но все же свое. Здесь ведь все по моему проекту сделано! Все абсолютно!

– Да, неудачно все получилось, – посочувствовал Лунин и тут же покраснел, испугавшись, что Фильченко неверно истолкует его слова, – но, если можно, я бы хотел вернуться к той куче народа, про которую вы говорили.

– Да уж, куча, – машинально повторил Владимир, которому все никак не удавалось взять себя в руки, – всю эту кучу собрать в один мешок да вышвырнуть куда подальше.

– Это вы о Красильниковых? Чем же они вам не угодили?

– Не мне. Отцу. Они, конечно, довольно долго у него проработали. До этого он раз в полгода людей менял. Ведь тут как получается, все время один из трех вариантов выходит: либо люди не хотят работать, либо слишком много болтают лишнего, либо начинают ручками грести в свою сторону.

– И какой вариант относится к Красильниковым?

– Я так полагаю, третий.

– Полагаете?

– Полагаю, – Владимир кивнул, – пару месяцев назад я разговаривал с отцом по телефону, он мне сказал, что нанял человека последить за ними.

– Был повод?

– Значит, был, – Владимир вновь кивнул, на сей раз более уверенно, – на них ведь все хозяйство лежало. Дом шестьсот квадратов, участок почти полгектара, все это надо в порядке содержать, что-то подкрасить, что-то подштукатурить. Если надо было нанять каких-то рабочих или что-то купить, Красильниковы могли все делать сами в каких-то разумных пределах. Плюс ко всему продукты, всякую хозяйственную мелочовку тоже они закупали.

– Я могу, конечно, ошибаться, но мне кажется, это были не очень большие деньги для Игоря Владимировича.

– Это вообще были для него не деньги, – усмехнулся Владимир. – Дело же не в деньгах, дело в принципе. Если бы проводился конкурс «Мистер принципиальность», отец точно на нем попал бы в призеры. Он же как полагал: пообещал – сделай, одолжил – верни, проиграл – заплати долг. Вы, кстати, еще не в курсе про эту историю, как ему Андрюша продул соточку?

– Первый раз слышу. А можно подробнее? – заинтересовался Лунин.

– А что тут подробнее? Андрюша – это Наташкин муж, вы его видели. Они в свое время с отцом в неплохих отношениях были на почве страстной любви к бильярду. Промеж собой тоже

поигрывали, но ставки были так, символические. Один раз, правда, папашка натянул Андрюшу на тысячу, так Наташка узнала, такой шум подняла.

– Вроде не очень большие деньги, – удивился Лунин.

– Как сказать, – хмыкнул Фильченко, – для меня, например, тысяча евро – это приличные деньги. А что, в органах так хорошо платят?

– Прибавили последнее время, – пробормотал Илья, только теперь понявший, о какой тысяче идет речь, и теперь пытавшийся предположить, какая сумма скрывалась за словом «соточка».

– Так вот, наш Андрюша у себя в Питере сдружился с каким-то тамошним чемпионом и взял у него несколько уроков. Уж не знаю точно, сколько они там занимались, но уровень игры он подтянул прилично. Только ведь оно как вышло, кий-то он стал держать в руках лучше, а в голове у него что-то убавилось. Закон равновесия, знаете ли.

Лунин вновь принял привычную позу, по его мнению, обозначающую максимальную заинтересованность, облокотившись на стол и подперев щеку ладонью.

– В начале июня мы тут все собирались в том же составе, у отца был день рождения. Так вот, Андрюша сдуру втайне от Наташки затеял с ним турнир. Точно не скажу, может, отец ему поначалу малость поддался, а может, он и впрямь так руку хорошо набил, только поначалу он выигрывал. Неплохо, скажу я, выигрывал. Тысяч восемь, кажется.

– Евро? – уточнил Лунин.

– Ну да, – кивнул Фильченко, – отец к доллару охладел последнее время. Играли они, значит, играли, и тут кто-то, я даже не могу сейчас понять, кто из них, предложил поднять ставки. В общем, к концу дня Андрюша был должен папе сто тысяч, и дальше отец играть отказался. Сказал, что не хочет разорять зятя.

– Вполне благородно, – не смог удержаться Лунин.

– Не то слово, – ухмыльнулся Владимир, – особенно с учетом того, что у Андрюши и близко таких денег нету. Я помню прошлый раз, когда он на тысячу угорел, какой скандал приключился. Он ведь сам работает в какой-то конторе обычным менеджером, дай бог, если у него эта тысяча в месяц выходит, хотя, я думаю, и того нет.

– И как же он собирался отдавать эти деньги?

– А вот это, как говорится, хороший вопрос, – одобрительно кивнул Фильченко. – Андрюша, хоть и дурачок, но все же не до такой степени, чтобы думать, что отец простит ему долг. Как говорил отец, у денег нет родственников.

– Судя по всему, Игорь Владимирович знал толк в деньгах, – заключил Лунин. – А что Наталья? Ей сказали о проигрыше мужа?

– В том-то и дело, что нет, – при упоминании имени сестры Владимир оживился, – кроме самих игроков, только я был в курсе всей истории. Отец даже не стал Андрюшку на свою «доску почета» заносить.

– А это что такое?

– Зайдете к нему в кабинет, увидите. Там на стене висит грифельная доска, наподобие тех, что в школах, только размером поменьше. Вот он на ней мелом всех своих должников записывал. Хотя дома он почти не играл, но как вертанется из поездки, так сразу к доске и мел в руки. Фамилию пишет и рядом сумму. Когда человек расплатится, он его стирает. Стирал, точнее.

– А что, были такие большие суммы, что игроки не расплачивались на месте? – удивился Илья. – Егор мне говорил, что там сплошь миллионеры, в этой вашей лиге джентльменов.

– Что вы хотите, – Владимир равнодушно пожал плечами, – сейчас наличные в карманах никто не таскает. А что касается отцовских выигрышей, про сотку евро я вам уже рассказал, так вот это отнюдь не самый большой результат. Я бы даже сказал, ниже среднего.

– Да уж. – Илья вспомнил, что, будучи подростком, тоже играл на деньги, в настольный теннис, и, как правило, проигрывал. К счастью, суммы проигрыша были совсем незначительны, и он мог незаметно от матери вытаскивать деньги у нее из кошелька. – Интересно тогда, какой же результат близок к максимуму.

– Тысяч пятьсот – шестьсот. Во всяком случае, подобные записи я видел. Может, и до миллиона доходило, врать не буду, но такого от отца я не слышал.

– Надо сказать, что вы на удивление неплохо осведомлены обо всем, в этом доме происходящем.

– Вы уж скажете, обо всем, – усмехнулся Владимир, – я даже не знал, что дом уплыл прямо у меня из-под носа. И потом, почему на удивление? С отцом, конечно, всегда было непросто общаться, но последние пару лет у нас были довольно-таки неплохие отношения.

– Если я правильно понял, это вы обнаружили отца после его гибели.

– Нет, – на удивление резко отозвался Владимир. – Мы это сделали вместе. Вместе с Натальей.

– Я это и имел в виду, – примирительно кивнул Лунин.

– Наталья, как только увидела отца в луже крови, завопила и выскочила за дверь, а я подбежал к нему, сел на корточки или, может быть, даже на колени, сейчас не вспомню. Была мысль, что он только ранен, но потом я попытался приподнять его и понял, что уже все, ничего сделать нельзя. Тут появились все остальные, прилетела Янка, закатила истерику. Пришлось хлопнуть ей пару раз по щекам. Небось, уже вам нажаловалась?

– Мне кажется, она не в претензии. – Илья поспешил успокоить собеседника. – Скажите, а вы поднялись на второй этаж сразу по окончании фейерверка?

– Да, как только отстрелялись, так мы сразу и пошли, может быть, пару минут подождали, что он сам выйдет, не больше, – подтвердил Владимир, – мы ведь договорились еще до того, как палить начали. Отец всех заинтриговал, сказал, что вечером сделает интересное объявление, вот только время не уточнил. А дело-то уже к ночи! Ну мы с Наташкой и решили, что после салюта вместе пойдем, попробуем узнать, когда наш папашка разродится обещанной речью. Точнее, я сказал, что хочу подняться к отцу, а Наталья тут же заявила, что пойдет вместе со мной. Видать, боялась, что я новости раньше остальных узнаю.

Владимир замолчал, вновь уставившись себе под ноги, а затем повернул голову к Лунину.

– А хорошо ведь, что она со мной поднялась, а то бы вы уже наручники на меня надели. Признайтесь, ведь так?

– Это такой стереотип, наверное, из фильмов, – успокаивающе улыбнулся Илья, – что того, кто убитого обнаружил, потом первого и задерживают. Хотя, конечно, всякое бывает.

Илья окинул испытующим взглядом мощную фигуру Владимира, пытаясь понять, насколько органично тот бы смотрелся в тюремной камере.

– Ну что же, вы мне очень помогли, – отработанная фраза сама выскочила изо рта, – позовите, пожалуйста, еще кого-нибудь, например, Андрея.

– Без проблем. – Владимир неторопливо поднялся из кресла и взглянул на Лунина. – Что, вас так заинтересовала история с его проигрышем? А ведь это мотив! – Владимир громко щелкнул пальцами и торжественно повторил: – Мотив!

Дверь кабинета вновь захлопнулась, давая Илье возможность несколько мгновений побыть в одиночестве. Правда, мгновений этих оказалось совсем немного. Не успел Лунин, откинувшись на спинку кресла, закрыть глаза и предаться мечтаниям о возможности еще немного поспать, как в кабинет ввалился Зубарев. Лицо его, по мнению лениво приоткрывшего один глаз следователя, излучало чрезмерную дозу явно необоснованного оптимизма.

– Вадик, ты-то зачем здесь? – Лунин с неохотой открыл второй глаз и теперь устало разглядывал оперативника.

– «Вадик, зачем ты здесь?» – передразнил его Зубарев, бесцеремонно усаживаясь прямо на стеклянную столешницу. – Нет чтобы сказать: Вадик, как я рад тебя видеть! Как я счастлив работать в связке с лучшим оперативником областного управления!

– А мы в связке? Как я рад, – абсолютно безрадостно отозвался Лунин. – Тебя вообще сюда кто послал?

– Илюха, – нравоучительным тоном произнес майор, – пора бы тебе знать, кто в УВД всех посылать может, причем в любом направлении. Я так понял, наш шеф пообщался с вашим шефом.

– С Хованским?

– А у тебя что, есть другие? – Зубарев на всякий случай приложил руку к лбу Ильи и сокрушенно покачал головой. – Тебе бы похмелиться. С Хованским, конечно. Два этих мудрых старца решили, что я полностью перехожу в твоё распоряжение до тех пор, пока ты все здесь не разрулишь. Судя по твоему виду, на сегодня разруливание явно не запланировано. Ты, вообще, сейчас чем занимаешься?

– Опрашиваю. – Проводя рукой по щеке, Лунин попытался понять, что именно в его лице сподвигло оперативника к столь безрадостному наблюдению.

– Кого?

– Свидетелей. Или подозреваемых. Я пока сам не понял, кто они тут.

– Так, может, разделимся? – оживился Вадим. – Ты мальчиков возьмешь, я девочек, мне с девочками как-то проще общий язык находить.

– Удивительное совпадение, – хмыкнул Илья, решив, в конце концов, что с лицом у него все нормально...

– Кстати, они у тебя там без присмотра в гостиной все перелаялись, – Зубарев наконец перебрался со столешницы в кресло, – так что я сержанта пригнал, пусть за порядком следит. А то нам руководство не простит, если еще кого пришибут ненароком. Да, о пришибленном! Я тебе копию заключения медэксперта привез. – Майор протянул приятелю несколько сложенных вдвое листов. – Умные люди говорят, что нашего покойничка по голове дважды долбанули. Один раз в область затылка, причем удар был не очень сильный, в черепушке только трещина появилась. А вот второй удар, в теменную область, там уже от души приложили. Такая пробоина, что целый крейсер потопить можно было.

– И что из этого следует?

– Что из этого следует, должен нам сказать следователь, – весело прищурился Вадим. У нас тут есть такой? Вижу, сидит, целый подполковник. Только бледненький какой-то и с лица уставший. Потому, видать, плохо соображает.

Довольный собой, Зубарев щелкнул по стеклянной столешнице пальцем и прислушался.

– Не звенит, – разочарованно произнес он. – А я думал, мало ли, вдруг хрустальная. От богатеёв всего ожидать можно. Эксперт допускает возможность того, что удары наносили два разных человека. Один из них, который послабее, вполне может быть женщиной.

– То есть у нас еще и убийство по сговору, – уныло констатировал Лунин. – Тогда вообще ничего не понятно.

– Ишь ты, – Зубарев скорчил глумливую физиономию, – а до этого, значит, тебе было что-то понятно. Ну, давай поделись умом, понимающий ты наш.

– До этого у меня сложилось впечатление, что здесь каждый сам за себя. – Лунин подумал о том, что если протянуть правую руку и как следует щелкнуть Вадика по лбу, тогда он наверняка перестанет так нагло улыбаться. – Никто из них не скрывает, что с покойником у них были сложные отношения, но только такое ощущение, что промеж собой у них все еще сложнее.

– Каждый не каждый, а две семейные пары у нас имеется, – резонно заметил оперативник. – А супруги – это уже потенциальные заговорщики. Правда, эти, как их, Красильниковы,

особо на семейку киллеров не тянут, безобидные они, да и жили они у Фильченко, как у Христа за пазухой. А вот младшая дочурка с муженьком, чем тебе не вариант?

– Может, и вариант, – не стал спорить Лунин, – я сейчас их как раз допрашивать собираюсь.

– Вот и правильно, – вновь оживился Зубарев, – разделимся. Ты бери мужика, а я девочку. Вот увидишь, я ее быстро расколю.

– Разделимся, – безвольно согласился Лунин и, увидев на лице Вадима торжествующую улыбку, добавил: – Я займусь допросами, а ты обойдешь участок по периметру с внешней стороны.

– Это еще зачем? – возмутился не ожидавший такого поворота событий оперативник. – И как ты это представляешь? Тут же заборы, соседи. Я что, через них перепрыгивать буду?

– Не надо перепрыгивать. – Илья невозмутимо покачал головой. – Участок крайний, сосед имеется только с одной стороны, с фасада, там, где подъездная дорожка, тоже вряд ли могли залезть, там фонарь на фонаре и на каждом фонаре по камере. Остаются две стены, которые выходят на лес. Они, конечно, высокие, но мало ли, могли и лестницей воспользоваться или, может, с ветки дерева по веревке спуститься.

– Мне вот интересно, – майор задумчиво разглядывал Илью, – это у тебя от чего осложнение? От того, что тебе тогда, зимой, по башке кочергой треснули, или от того, что ты в больнице детективов слишком много начитался? Ты что, действительно думаешь, что какие-то люди в черном перемахнули через забор, путем телепатии выяснили, что старик сидит один в кабинете, по-быстрому грохнули его, а затем скрылись, растворившись в заборе? Илюха, давай я лучше с девочкой побеседую. Ты видел, она какая глазастенькая? Я на нее надавлю малость, она глазками захлопает и всю правду мне выложит.

– Когда пойдешь, загляни к Красильниковым, – Илья проигнорировал тираду оперативника, – попроси Марию Геннадиевну сделать мне кофейку. С лимоном.

– Вот она – настоящая мужская дружба, – вздохнул Вадим, – один будет сидеть в мягком кресле, попивать кофе да болтать с девицами, а другой – рыскать в грязи и кормить комаров. А что поделать, это же следственный комитет, белая кость. Не то что мы, простые труженики уголовного розыска.

– Иди уже, труженик, – мягко поторопил приятеля Лунин, – мне еще трех человек допросить надо. Да, чуть не забыл! Скажи, у нас в городе частные детективы есть?

– Ты же не женат. Тебе за кем следить? – ехидно буркнул Вадим, подымаясь из кресла. – Есть вроде штуки три, может, больше. Один у нас как-то свидетелем по делу проходил, тот еще дурачок, скажу я тебе. Его в свое время из наркоконтроля выперли, так он в частный сыск подался.

– Замечательно, – кивнул Илья, – ты, как с забором закончишь, выясни, сколько в городе этих самых детективов имеется. Надо со всеми ними связаться и выяснить, кого из них за последние несколько месяцев нанимал Фильченко.

– А он нанимал? – уточнил Зубарев.

Илья молча кивнул.

– Так от тебя, оказывается, даже польза есть, – грубовато похвалил Лунина оперативник, – не зря тебе подполковника дали. Это что же, наш старичок кое-что заподозрил и решил немного последить за своей женушкой?

– Заподозрил, – подтвердил Илья, – и решил последить. Вот только не за женой, а за одной безобидной, по мнению некоторых оперативников, семейной парой.

– Это ты сейчас про Красильниковых? – удивленно переспросил Вадим.

Лунин закинул руки за голову и вновь удовлетворенно кивнул.

– Ладно, я выясню, – шагнул к двери майор, – пойду поработаю, а ты здесь развлекайся.

– Про кофе не забудь! – крикнул Илья в тот момент, когда дверь с оглушительным грохотом захлопнулась.

Оставшись, наконец, один, Илья вновь откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Сейчас бы часок поспать. Потом принять душ, можно даже холодный, а уже потом выпить чашечку, а то и две крепкого кофе. Вот тогда жить стало бы значительно веселее. А так, что это? Глаза раз за разом пытаются закрыться и никогда больше не открываться, в голове какие-то непонятные звуки. Тук-тук, тук-тук. Хотя, странно, голова вроде не болит.

– Можно? – Тихий женский голос заставил Лунина поспешно вынырнуть из черного омута забытья, в который попыталось занырнуть его сознание. – Я стучу, стучу, а вы не отвечаете.

– Простите, бога ради, задумался. – Илья неловко вскочил на ноги, зацепившись за стол, отчего тот угрожающе завибрировал. – А почему вы? Я думал, сейчас придет Андрей...

Илья распахнул лежащую на столе папку, пытаясь найти в бумагах отчество Наташиного мужа.

– Андрей? – Наташа робко улыбнулась. – У него что-то живот скрутило. А я подумала, что вы будете сидеть один, ждать. Вот и пришла.

Она одарила Лунина еще одной застенчивой улыбкой, а затем быстро оглянулась на дверь.

– Если вы скажете, я могу уйти. У вас же, наверное, все по системе. Вы ведь не в случайном порядке нас вызываете?

– Нет, конечно, – энергично замотал головой Лунин, – в смысле, что да, система обязательно должна быть.

– Тогда я пойду? – Она коснулась ручки двери кончиками пальцев.

– Зачем? Оставайтесь. Любая система допускает некоторые отклонения от первоначальной, – Илья быстро ущипнул себя за кончик носа, пытаясь найти подходящее слово, – конструкции.

– Тогда я присяду? – Наташа перевела взгляд с двери вначале на Илью, а затем на пустующее кресло.

– Конечно, – великодушно разрешил Лунин, – присаживайтесь. Это очень хорошо, что вы пришли.

Он сам, на этот раз медленно, стараясь ничего не задеть, опустился в кресло и уставился на младшую дочь Фильченко. Та, удобно устроившись напротив Ильи, в свою очередь с любопытством разглядывала следователя.

– Ну? – первой нарушила молчание Наташа. – Мне кажется, вы должны задавать мне какие-то вопросы.

– Да, вопросы, – спохватился Лунин, – вопросов у меня к вам много. Для начала, если можно, расскажите о ваших отношениях с отцом. Насколько я понимаю, человек это был достаточно сложный.

– Сложный? – в Наташином голосе слышалось откровенное непонимание. – Почему вы так говорите?

Ничего сложного в отце не было. У него было несколько правил, которым он всегда следовал, и ничего более. Может быть, кому-то было сложно принять эти правила.

– Но не вам? – уточнил Лунин.

Еще одна улыбка послужила наградой за его пронизательность.

– Я всегда его хорошо понимала.

– Это хорошо, когда в семье такое взаимопонимание, – одобрил Илья, разглядывая женщину, муж которой проиграл ее же отцу в бильярд сумму, отдать которую не смог бы при всем желании. Вот только было ли оно, это желание? Интересно, что об этом думает сама Наташа. Ах да, она ничего об этом думать не может, поскольку ничего про эту историю не знает. Хотя, люди

ведь частенько думают о том, чего на самом деле в природе нет и никогда не было. Например, о драконах. Или о гномах. Или о гномах, сражающихся с драконом. Книжки пишут, фильмы о них снимают. Лунин вздохнул и попытался вернуться из несуществующего мира к реальности. – А ваш супруг, он тоже принимал все правила Игоря Владимировича?

– Андрей? – Лунину показалось, что возникшая пауза была чуть дольше, чем того требовала Наташина манера речи. – Могу сказать вам, что Андрей ладил с папой гораздо лучше большинства его родных детей.

– Угу, – коротко отозвался Лунин, придя к выводу, что под меньшинством в данном случае Наташа имела в виду именно себя, – я слышал, у них даже было общее увлечение.

– Вот вы о чем. – Лицо девушки, до этого выражавшее лишь любопытство, смешанное с доброжелательностью, в одно мгновение ожесточилось, теперь наконец она стала похожа на человека, не так давно предлагавшего надеть на Яну наручники и отправить ее в дальнее, но не очень комфортное путешествие по просторам Родины. – Я так понимаю, братцы уже успели напеть вам о проигрыше Андрея.

– Самую малость, – успокаивающе выставил ладони вперед Лунин, пытаясь понять, о каком именно проигрыше сейчас идет речь, – будет лучше, если вы сами мне все расскажете подробнее.

– А что там рассказывать? – возмутилась Наташа. – Ну, проиграл Андрей отцу тысячу евро. В конце концов, какое это имеет отношение к убийству? Вся эта история была уже довольно давно, и с долгом мы рассчитались.

– Вы абсолютно правы. Это, – Илья положил руки на стол, – никакого отношения к убийству не имеет. Вы можете быть абсолютно уверены.

– А вот и кофе. – В кабинет плавно вплыл прямоугольный, поблескивающий сталью поднос, вслед за которым показалась улыбающаяся Мария Геннадиевна.

Бросив быстрый, как показалось Илье, недовольный взгляд на Наташу, домработница склонилась к столу. С подноса на стеклянную столешницу один за другим переключались белоснежная чашка с черным ароматным кофе, блюдечко с нарезанным тонкими ломтиками лимоном, небольшая сахарница, тарелка с тремя аппетитно пахнущими сыром и ветчиной бутербродами и, наконец, пузатый бокал, на две трети наполненный, как пишут в протоколах, жидкостью янтарно-коричневого цвета с характерным запахом коньяка.

– Я же только кофе просил, – проглотил моментально наполнившую рот слюну Лунин.

– Яна Григорьевна распорядилась, сказала, день у вас очень напряженный, – объяснила Красильникова и вновь бросила короткий взгляд на Наташу. – Может быть, вам чайку принести, Наталья Игоревна?

– Спасибо, я как-нибудь потом, – Наташин голос прозвучал холодно, – в более подходящей обстановке.

– Тогда я пойду? – Мария Геннадиевна вновь, не мигая, уставилась на Лунина, всем видом давая понять, что она понимает, кто в этом кабинете сейчас главный.

– Да, конечно, – кивнул Илья и торопливо добавил: – Спасибо большое, особенно за бутерброды.

– Я передам Яне Григорьевне, – размеренно отозвалась Красильникова и, прижав поднос к груди, покинула кабинет.

– Прислуга всегда быстрее всех ориентируется при смене власти, – с усмешкой прокомментировала Наташа, – не замечали?

– Не имел подобного опыта, – честно признался Лунин, пытаясь не смотреть на расставленное перед ним на столе изобилие.

– Хотя Яна тоже, как я погляжу, времени зря не теряет. Изю всех сил пыжится произвести на вас впечатление.

– Ну, знаете, – обиделся Лунин, – бутерброды – это, конечно, приятно, но ими она меня вряд ли сразить сможет. Да и коньяком тоже.

Бросив взгляд на источающий благоухание фужер, Илья тоскливо вздохнул и отвернулся к окну, за которым беззвучно колыхались ветви огромной березы.

– Еще скажите, что ее купальник тоже не произвел на вас никакого впечатления, – фыркнула Наташа, – она, наверное, часа два у бассейна отиралась, пока вы не приехали.

– Я так понимаю, Яну Григорьевну вы недолюбливаете, – констатировал Лунин. – Есть за что?

– Можно подумать, вы не понимаете.

Илья примерно представлял, что может сказать ему Наташа, но, на всякий случай, медленно покачал головой, предоставляя собеседнице возможность высказаться.

– Представьте, вы живете, причем не просто живете, а вы счастливы. У вас все замечательно, вам шестнадцать лет, и впереди долгая прекрасная жизнь, полная любви и радости. Вы это знаете точно, потому что каждый день смотрите на своих родителей, на папу и маму, которые любят друг друга. Любят так, словно влюбились только вчера. Папа обожает подхватывать маму на руки и кружить по комнате, а мама иногда подходит сзади к сидящему за столом отцу, обнимает его за голову и прижимается к макушке губами. Так она может стоять очень долго, закрыв глаза и абсолютно неподвижно. Потом, через какое-то время, руки ее разжимаются, скользят отцу на плечи. В этот момент отец оборачивается к ней, и они целуют друг друга в губы, а затем смеются. Смеются, хотя ничего смешного не случилось и не было сказано. Они смеются потому, что любовь – это и есть радость.

Наташа повернулась к Лунину. От возбуждения щеки ее покраснелись, а в уголках глаз поблескивали выступившие слезинки.

– И два этих замечательных любящих друг друга человека любят еще и вас. Вы просто купаетесь в их любви, ее так много, что это целое бескрайнее море. А потом, в один не очень прекрасный день, вдруг выясняется, что это было вовсе никакое не море. Так, запруда, в которой, наконец, прорвало обветшалую дамбу, и вся вода разом вытекла. И теперь все обитатели этой запруды лежат на дне в луже грязи и хлопают ртом от удущья.

Илья, на которого все эти поэтические сравнения произвели неизгладимое впечатление, от изумления открыл рот и, совершенно машинально, запихал в него целиком один из бутербродов.

– А потом, ой, как интересно, выясняется, что наша дамба рухнула не сама. Оказывается, появилась некая дама, прекрасная во всех отношениях, которая решила, что хватит, порезвились рыбки в пруду, и будет. Настало время другим свое море строить. Только вот собственной воды маловато оказалось, что ж, придется у других ее отобрать.

Лунин хотел было возразить, что Игорь Владимирович Фильченко вряд ли годился на роль карася, которого можно было с легкостью перекидывать из одного водоема в другой, но набитый рот не позволял ему сформулировать свои мысли достаточно отчетливо, так что, сделав большой глоток коньяка, Илья лишь задумчиво выдохнул:

– Да уж.

– Да уж, – печальным эхом отозвалась Наташа.

Некоторое время, которого Лунину вполне хватило, чтобы проглотить непонятным образом оказавшиеся у него во рту продукты, Наташа сидела молча, уставившись в противоположную стену. Когда она заговорила вновь, голос ее зазвучал уже не так взволнованно.

– Вы, конечно, скажете, что с тех пор прошло двенадцать лет, что пора уже наконец успокоиться и жить своей жизнью. Так все говорят, даже мама. Но ведь за эти двенадцать лет ничего не изменилось.

– Так разве бывает? – как можно мягче спросил Лунин.

– Во всяком случае, к лучшему, – не глядя на него, отозвалась Наташа. – Понятно, что я уже взрослая девочка, у меня есть Андрей, у нас все замечательно, но каждый раз, когда я приезжаю к маме и вижу у нее везде, в каждой комнате, портреты отца, я чувствую себя как в тот день, когда дамба рухнула и наше море любви превратилось в обычную лужу грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.